

МУ ЗАТО Северск «Центральная городская библиотека»
Информационно-библиографический отдел

Северчане в боях за Родину

(Краеведческий дайджест)

На склонах обгаренной Волги, На берегах Москва-реки
В своих дубленых полушубках стояли вы, сибиряки.
Да будет не забыт ваш подвиг, как не забыты будут те -
У незнакомого поселка, на безымянной высоте.

М. Матусовский

ЗАТО Северск - 2010

Великая Отечественная...

Так назвал советский народ самое суровое, самое тяжелое из военных испытаний, выпавших на его долю, на долю его армии.

Военная история всех времен и народов не знает ничего подобного ни по масштабам и ожесточенности боевых действий, ни по тому единству и самоотверженности с которыми весь наш многонациональный народ от мала до велика сражался и трудился во имя свободы и независимости своего Отечества.

65 лет прошло с того незабываемого дня, когда смолкли последние залпы войны и благодарная планета склонила голову перед героизмом и мужеством народа, стершим с лица планеты коричневую чуму фашизма.

В майское победное Знамя 1945 года немало красных нитей вплетено руками, кровью и жизнью северчан – мужественных воинов и неутомимых тружеников. Война оставила тяжелое наследство, но наши матери и уцелевшие на фронте отцы и братья нашли в себе силы поднять из руин огромную страну. Благодаря их самоотверженному труду были построены города, на месте пепелищ зацвели сады, заколосился хлеб.

Более полувека назад они покорили суровый сибирский край, приехав на строительство Сибирского химического комбината. Среди болот и тайги выросли уникальные заводы крупнейшего в мире ядерного комплекса, построен современный город, которым может гордиться каждый его житель.

Невозможно переоценить роль участников Великой Отечественной войны в процессе становления Сибирского химического комбината и строительства города. В тот сложный период конца сороковых – начала пятидесятых годов в рабочий поселок на строительство комбината приехали около трех тысяч участников боевых действий и более двенадцати тысяч тружеников военного тыла.

И в мирные, послевоенные годы костяк первостроителей Сибирского химического комбината и нашего города составили участники боевых действий и труженики военного тыла, среди них: первый директор комбината И. А. Щекин – директор завода по производству минометов «Катюша»; директор завода № 1 Н. В. Алявдин – начальник цеха Барнаульского завода по выпуску танковых моторов. Главным диспетчером комбината долгое время работал А. Г. Луньков – начальник штаба особого партизанского отряда; заместитель главного инженера Ф. Е. Логиновский служил офицером – подводником в Севастополе.

В то время, когда шла Великая Отечественная война, Северска еще не было на карте (война закончилась в 1945 г., а город начал строиться в 1949г.). На месте нашего города были деревни Иглаково и Белобородово. Именно оттуда уходили на войну призывники и добровольцы. О людях, ушедших на фронт из этих деревень, и о людях, приехавших на строительство нашего города после войны, которые жили и работали в Северске, подобран материал в дайджесте.

Дайджест **«Северчане в боях за Родину»** составлен по материалам местной прессы: газет – «Диалог», «Новое время»; журнала «Северский меридиан», а также книг, изданных Северским советом ветеранов, музеем г. Северска, Томским издательством.

Дайджест не претендует на полный охват сведений обо всех ветеранах. В него вошли воспоминания и интервью ветеранов, которые были упомянуты в печати.

За более полной информацией обращайтесь в информационно - библиографический отдел Центральной городской библиотеки Северска.

Дайджест предназначен для учителей, учащихся и всех тех, кто интересуется темой Великой Отечественной войны и историей родного города.

Составитель: библиограф Захарова Т. Л.

Технический оформитель: Широкова Л. В.

Центральная городская библиотека,

Информационно-библиографический отдел,

г. Северск, ул. Курчатова, 16

I этаж (каб. 13), тел. 52-83-94

Северчане – ветераны Великой Отечественной войны, награжденные государственными наградами.

Герои Советского Союза:

Арсеньев Иван Николаевич.
Долганов Иван Иосифович.
Кулешов Владимир Иванович.
Лимонов Илья Дмитриевич.
Трофимов Федор Леонтьевич.

Орденом Ленина:

Лыков Андрей Михайлович.

Орденом Славы:

Афанасьев Иван Федорович.
Булгаков Николай Степанович.
Веснин Михаил Никифорович.
Войнов Гавриил Дмитриевич.
Волков Владимир Яковлевич.
Володин Владимир Петрович.
Герасименко Владимир Семенович.
Давыдов Степан Андреевич.
Завгородний Борис Евдокимович.
Иглаков Николай Александрович.
Корольков Николай Федорович.
Канальин Федор Иванович.
Козлов Алексей Кузьмич.
Максимов Михаил Ильич.
Монич Юрий Алексеевич.
Мясоедов Леонид Васильевич.
Немчанинов Василий Иванович.
Никитин Николай Федорович.
Новиков Михаил Федорович.
Павлов Александр Павлович.
Панковский Владимир Данилович.

Паскевич Игорь Владимирович.
Пашин Иван Михайлович.
Петраченко Яков Кондратьевич.
Пирожков Алексей Иванович.
Полозов Иван Андреевич.
Попадейкин Анатолий Васильевич.
Полетаев Семен Семенович.
Свиридов Иван Яковлевич.
Синицын Максим Васильевич.
Скляр Петр Дмитриевич.
Савельев Петр Васильевич.
Толмачев Николай Васильевич.
Тюляков Николай Яковлевич.
Тимофеев Александр Андриянович.
Усванов Степан Петрович.
Фирстов Анатолий Иосифович.
Фокеев Дмитрий Ефимович.
Цыбенко Петр Илларионович.
Чернов Георгий Васильевич.

Орденом Красного Знамени:

Белов Анатолий Федосеевич.
Гордеев Иван Павлович.
Запорожец Андрей Иванович.
Зеленов Марк Петрович.
Кадыков Дмитрий Николаевич.
Кукорцев Геннадий Сергеевич.
Лаврухин Дмитрий Ефимович.
Мусохранов Иван Никитьевич.
Пикулевич Виктор Ильич.
Сбруев Александр Антонович.
Уваров Иван Аристархович.
Цимбалов Федор Тарасович.

Орденом Александра Невского:

Белоглазов Владимир Степанович.
Кадыков Дмитрий Николаевич.
Кукорцев Геннадий Сергеевич.
Сбруев Александр Антонович.
Шишов Иван Михайлович.

Дважды орденосцы:

Гордеев Иван Павлович –	орден Красного Знамени орден Красного Знамени
Иглаков Николай Александрович –	орден Славы III степени орден Славы II степени
Кадыков Дмитрий Николаевич –	орден Красного Знамени орден Александра Невского
Кукорцев Геннадий Сергеевич –	орден Красного Знамени орден Александра Невского
Лыков Андрей Михайлович –	орден Ленина орден Красного Знамени
Мясоедов Леонид Васильевич –	орден Славы III степени орден Славы II степени
Немчанинов Василий Иванович –	орден Славы III степени орден Славы II степени
Сбруев Александр Антонович –	орден Красного Знамени орден Александра Невского
Свиридов Иван Яковлевич –	орден Славы III степени орден Славы II степени
Скляр Петр Дмитриевич –	орден Славы III степени орден Славы II степени

//Диалог.- 1997.- 23 мая.

ОНИ СРАЖАЛИСЬ ЗА РОДИНУ

Список ветеранов Северской дивизии- участников Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.

Крылов Анатолий Петрович *генерал-майор*

Абраменко Иван Дмитриевич *полковник*

Артамонов Михаил Иванович *полковник*

Воробьев Иван Федорович *полковник*
Зеленев Марк Петрович *полковник*
Кадыков Николай Петрович *полковник*
Капоров Владимир Николаевич *полковник*
Карпов Николай Иванович *полковник*
Клинков Сергей Васильевич *полковник*
Кравченков Иван Евсеевич *полковник*
Левин Лев Андреевич *полковник*
Лесковец Виктор Яковлевич *полковник*
Недзельский Владимир Иосифович *полковник*
Новожилов Алексей Сергеевич *полковник*
Разживайкин Михаил Александрович *полковник*
Рогов Александр Андреевич *полковник*
Соболев Павел Васильевич *полковник*
Сухов Иван Павлович *полковник*
Сысоев Петр Андрианович *полковник*
Филатов Владимир Иванович *полковник*
Хорин Владимир Иванович *полковник*
Юхматов Василий Иванович *полковник*
Антоненко Василий Яковлевич *подполковник*
Балабанов Николай Прокопьевич *подполковник*
Беспалов Николай Федорович *подполковник*
Богомья Петр Максимович *подполковник*
Болотин Василий Кузьмич *подполковник*
Вахрушев Федор Михайлович *подполковник*
Грачев Клавдий Иванович *подполковник*
Звонарев Георгий Тимофеевич *подполковник*
Зоткин Петр Сидорович *подполковник*
Зубов Григорий Илларионович *подполковник*
Калинкин Николай Васильевич *подполковник*

Клейменов Михаил Максимович *подполковник*
Корнеев Лев Иванович *подполковник*
Москалев Алексей Тихонович *подполковник*
Ниякин Алексей Тихонович *подполковник*
Олейник Семен Ефимович *подполковник*
Победоносцев Николай Николаевич *подполковник*
Пожидаев Александр Сергеевич *подполковник*
Ракитский Николай Васильевич *подполковник*
Смирнов Тимофей Елизарович *подполковник*
Чекунов Иван Алексеевич *подполковник*
Цибиногин Константин Павлович *подполковник*
Бастрыкин Анатолий Владимирович *майор*
Безвесильный Николай Иванович *майор*
Бородин Константин Митрофанович *майор*
Брызгалов Василий Алексеевич *майор м/с*
Волкова Полина Ивановна *майор*
Горбунов Анатолий Петрович *майор*
Денисенко Петр Федосеевич *майор*
Журба Виктор Федорович *майор*
Ковалев Алексей Георгиевич *майор*
Колянов Дмитрий Александрович *майор*
Корчагин Александр Михайлович *майор*
Кулагин Иван Федорович *майор*
Ломовских Дмитрий Тимофеевич *майор*
Матюшев Николай Степанович *майор*
Мурзинцев Григорий Дмитриевич *майор*
Мягков Александр Степанович *майор*
Петруненко Владимир Клементьевич *майор*
Пивоварова Александра Прокопьевна *майор*
Погудин Григорий Григорьевич *майор*

Ушаков Виктор Иванович *майор*
Федоров Николай Петрович *майор*
Цветков Михаил Прокопьевич *майор*
Белоглазов Владимир Степанович *капитан*
Колосов Константин Емельянович *капитан*
Присухин Дмитрий Маркович *капитан*
Фертиков Василий Николаевич *капитан*
Цуколин Тихон Матвеевич *капитан*
Чернов Константин Алексеевич *капитан*
Шураков Николай Федорович *капитан*
Авдонин Александр Иванович *ст. лейтенант*
Истериин Владимир Александрович *ст. лейтенант*
Силкин Василий Андреевич *ст. лейтенант*
Тютрюмов Георгий Прохорович *ст. лейтенант*
Рудакова Нина Яковлевна *лейтенант*
Алиев Даниил Суинович *прапорщик*
Артеменко Алексей Яковлевич *прапорщик*
Барышев Петр Михайлович *прапорщик*
Бобровников Алексей Николаевич *прапорщик*
Васильев Василий Гаврилович *прапорщик*
Губин Михаил Павлович *прапорщик*
Жариков Григорий Павлович *прапорщик*
Кабульдинов Машен Умарович *прапорщик*
Кашапов Гаффан Кашапович *прапорщик*
Кочкин Александр Васильевич *прапорщик*
Крепыш Андрей Андреевич *прапорщик*
Лопаревич Максим Макарович *прапорщик*
Миронов Владимир Николаевич *прапорщик*
Овчинников Василий Осипович *прапорщик*
Окунский Михаил Борисович *прапорщик*

Охременко Александр Гаврилович *прапорщик*
Петраков Николай Иванович *прапорщик*
Санников Михаил Петрович *прапорщик*
Свиридов Иван Яковлевич *прапорщик*
Филиппова Надежда Андреевна *прапорщик*
Худяков Георгий Петрович *прапорщик*
Образцова Алевтина Григорьевна *старшина*
Поликарпов Гавриил Николаевич *старшина*
Рыжов Михаил Яковлевич *старшина*
Смакотин Никифор Афанасьевич *старшина*
Страдзе Иван Адамович *старшина*
Судницына Зинаида Петровна *старшина*
Бондарчук Екатерина Васильевна *ст. сержант*
Крапивин Григорий Иосифович *ст. сержант*
Новосельцев Иван Павлович *ст. сержант*
Андриенко Таисия Никифоровна *служащая*
Исакова Валентина Сергеевна *служащая*
Кардашов Владимир Андреевич *служащий*
Кобякова Таисия Афанасьевна *служащая*
Колянова Клавдия Николаевна *служащая*
Москвичев Григорий Никитович *служащий*
Ретушинский Николай Алексеевич *служащий*
Семилетова Елена Михайловна *служащая*
Сухова Прасковья Васильевна *служащая*
Худякова Евдокия Даниловна *служащая*

//Диалог.- 2010.- 26 февр.

АРСЕНЬЕВ ИВАН НИКОЛАЕВИЧ

Родился 25 декабря 1918 года в селе Белогорье Воронежской области, в семье крестьянина. Отец его, красноармеец Николай Арсеньев, погиб в гражданскую, в 1920 году. Спустя пять лет умерла мать.

Через два года после ее смерти отправился Ваня из деревни. Кто ведает, как бы сложилась дальнейшая судьба мальчишки, если бы не сняли его, беспризорника, с поезда на станции Россошь и не определили в детский дом в Павловске, городе с богатой военной историей.

В 1935 году после окончания восьмого класса стал он счетоводом. В совхозе "Пробуждение" проработал до сентября 1938 года, пока не был призван в Красную Армию. Еще до службы занимался Иван в кружках ОСОАВИАХИМа и сдал нормы на значки "ГТО", "Ворошиловский стрелок" и "ПВХО".

В августе 1939 года, после окончания полковой школы младших командиров, получил Иван Арсеньев звание старшего сержанта. В этом звании и должности командира отделения связи гаубичного артполка прошел он всю Великую Отечественную, которая началась для него в июне 1941 года под Смоленском. Там, в районе Ельни - Ярцево в те дни войска Западного фронта вели жаркие, кровопролитные бои. Затем служил на Центральном, Калининском и 1 -м Белорусском фронтах.

Звание Героя Советского Союза было присвоено Ивану Николаевичу Арсеньеву уже после Победы, 31 мая 1945 года. Это награда за то, что прошел он дорогами войны, и не изменили солдату ни разу чувство долга и мужество.

В семейном архиве Арсеньевых бережно хранятся его награды, документы, фотографии. Они - немые свидетели, очевидцы тех давних лет.

Война всегда связана с опасностью. Тем более на передовой, когда рискует каждый. Но тогда, когда вражеские снаряды начинают перепахивать позиции, когда горячий от сотен разрывов воздух рассекают тысячи смертоносных осколков и пуль, когда пехота вжимается в спасительные окопчики или просто воронки, а охрипший от крика у телефонной трубки командир вдруг отчаянно бросит: "Нет связи!", туда, в этот ад, пойдут связисты с телефонным аппаратом в сумке на боку, с тяжелой катушкой провода и автоматом в руках. Где ползком, где перебежками, двинутся они сквозь грохот боя вдоль провода, оборванного где-то там, куда расстояние порой измерялось не метрами, а жизнями.

Октябрь 1941 года. Западная Двина. Перед форсированием реки гитлеровцы провели сильную артподготовку, а потом, не прекращая огня, под прикрытием, начали переправу. В первые же минуты обстрела снаряды

немцев оборвали связь между батареями и штабом полка. Управление огнем было потеряно, а счет в такой момент - буквально на минуты. Командир отдал приказ верховому посыльному. Но не успел тот вскочить в седло, как на поле появился Иван Арсеньев.

Как удалось ему под непрекращающимся огнем, градом осколков, в грохоте близких снарядных разрывов найти рассеченные, затерянные в воронках и рывинах концы проводов, идущих к трем артиллерийским батареям, одному богу известно.

В боях за город Калинин в холодном декабре 41-го Иван Арсеньев с двумя телефонистами и одним разведчиком принял неравный бой. Их, находившихся на наблюдательном передовом пункте, немцы отрезали от наших войск. Немцы кричали: "Рус, сдавайся!", но они предпочли сражаться. Арсеньев организовал круговую оборону, и бойцы в течение долгих десяти часов отбивали атаки целой роты противника. И выстояли. Арсеньев лично уничтожил в этом бою около двух десятков гитлеровцев.

В апреле 1943 года комсомолец Ивана Арсеньев стал коммунистом. В том же 43-м во время боев за город Орел старший сержант Арсеньев был контужен.

Он устранял разрыв провода, перебитого миной. Минометный обстрел не прекращался. Одна мина разорвалась совсем близко... От отправки в тыл Иван отказался, отлежался несколько дней и вернулся в строй.

Когда в январе 1944 года брали город Калинин, дивизион, в котором служил связист Арсеньев, уничтожил артиллерийскую батарею, четыре пулемета, более двухсот солдат врага, а кроме того, разрушил два наблюдательных пункта, три дзота, подавил огонь двух минометных батарей гитлеровцев. Пехоте удалось овладеть тремя сильными опорными пунктами на подступах к городу с малыми потерями.

В тот морозный январский день Иван Арсеньев, казалось бы, не совершил особого подвига. Он просто делал свою работу - "держал" связь между передовыми наблюдательными пунктами, корректировавшими огонь артиллерии, и наблюдательным пунктом командира дивизиона. Под огнем пулеметов и пушек врага, на холоде, от которого сводило пальцы, он устранил 29 порывов. И всякий раз, соединяя перебитые жилы телефонного провода, не давал оборваться не только связи, без которой эффективность стрельбы была бы куда меньше, но и десяткам, а то и сотням жизней.

В июле 1944 года, когда бои уже шли на территории Польши, группа автоматчиков, в составе которой был и Иван Арсеньев, одной из первых вышла к Западному Бугу и приняла участие в форсировании. Старший сержант Арсеньев переплыл реку, держа катушку провода и автомат. Задание было выполнено - связь с захваченным плацдармом установлена, а Иван, наравне с другими бойцами, еще и отражал контратаки врага, лично уничтожив более трех десятков гитлеровцев.

В начале августа 1944-го наши войска вышли к Висле. Реку форсировали южнее Варшавы, укрепившись на небольшом "пяточке"

западного берега, на который удалось переправить артиллерию. Для уничтожения этого плацдарма фашисты бросили крупные силы пехоты при поддержке танков, самоходных орудий и авиации. Никто не подсчитывал, сколько повреждений линий связи устранил в те дни старший сержант Арсеньев, но бесспорно одно: несмотря на массированный обстрел и атаки врага, связь в дивизионе была бесперебойной.

Март 1945 года. Бои шли на территории противника. Советские войска форсировали реку Одер севернее города Кюстрина. Не успели навести временную переправу, как она была разрушена вражеской артиллерией. Восстановить переправу не удавалось - немцы вели прицельный огонь, наступление захлебывалось.

Мутный, холодный, только что освободившийся ото льда Одер Иван Арсеньев преодолел, вплавь, привязав конец провода за ремень. Как всегда у него с собой были телефонный аппарат и автомат. Наладив связь между берегами, старший сержант Арсеньев обеспечил эффективность огня наших артиллеристов. Плацдарм удержали. Отсюда 16 апреля 1945 года началось наступление на Берлин.

Последний бой был недалеко от Эльбы. Наши части форсировали речку Хафель. Иван Арсеньев, переправившись вместе с группой автоматчиков на ее левый берег, установил связь. Пехота вовремя получила огневую поддержку артдивизиона, уничтожившего три пулемета, более двухсот фашистов и подавившего огонь зенитной артиллерии и двух орудий врага, стоявших на прямой наводке. Более 50 повреждений устранил в том бою отважный связист.

Командир отделения связи 432-го гаубичного артиллерийского полка 18-й гаубичной артиллерийской бригады старший сержант Иван Николаевич Арсеньев за беспримерное мужество награжден боевыми наградами: орденом Отечественной войны 2-й степени, орденом Красной Звезды, двумя медалями "За отвагу", а также медалями "За оборону Москвы", "За освобождение Варшавы", "За взятие Берлина", "За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг."

Воинский подвиг И.Н.Арсеньева был отмечен самыми высокими наградами страны: ему присвоено звание Героя Советского Союза с вручением медали "Золотая Звезда" и орден Ленина.

После демобилизации из рядов Советской Армии в звании старшины в октябре 1945 года Иван Николаевич вернулся в родные места. Работал в военкомате. С 1946 по 1950 год учился в Воронежском радиотехникуме. После его окончания был направлен на Уральскую базу технического снабжения Главгосстроя СССР.

В апреле 1952 года как грамотный специалист И. Н. Арсеньев был переведен в Северск, работал диспетчером цеха Завода разделения изотопов (объект №1) СХК. В нашем городе Иван Николаевич жил более трех лет в доме №26 по улице Первомайской (тогда улица называлась именем Л. Берии). На здании проходной ЗРИ СХК в дни празднования 50-летнего

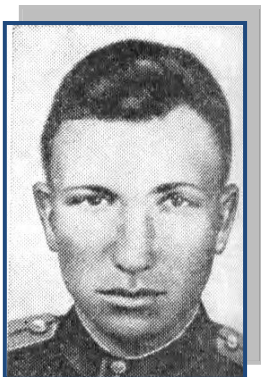
юбилея Победы открыта Мемориальная доска - горожане с благодарностью хранят память о герое, чье имя связано с историей Северска. В августе 1955 года И. Н. Арсеньев был направлен в город Красноярск - 45 (ныне Зеленогорск). Работал на одном из предприятий Министерства среднего машиностроения СССР инспектором ЦК профсоюза по технике безопасности. С 1978 года персональный пенсионер союзного значения.

Умер Иван Николаевич 13 февраля 1984 года. Похоронен в городе Зеленогорске.

//Кавалеры Золотой Звезды.-

Томск: Издательство Томского университета, 1999.- С. 15-20.

ДОЛГАНОВ ИВАН ИОСИФОВИЧ

Долганов Иван Иосифович, род. 27.11.1923 в дер. Медведеве Пижанского р-на Кировской области в семье крестьянина. Русский. Член КПСС с 1943. Образование среднее. В Советской Армии с 1941 г. На фронте в Великую Отечественную войну с октября 1942 г. Командир орудия 534-го истребительно-противотанкового артполка (14-я истребительно-противотанковая артбригада, 2-я гв. армия, 1-й Прибалтийский фронт) старший сержант Долганов отличился в боях за освобождение Литовской ССР. 28.07.1944 с марша вступив в бой в районе м. Иодзе (Кедайнский р-н), его расчёт уничтожил 3 танка, 16 авг. танки противника, перерезав шоссе Кельме — Шяуляй, двинулись на огневые позиции батареи. На орудие шло 8 танков. Заменял раненого наводчика и подбил 3 танка. Когда орудие было повреждено, организовал оборону и уничтожал врага из стрелкового оружия до подхода подкрепления. Был ранен, но не покинул поля боя. Звание Героя Советского Союза присвоено 24.03.1945.

В 1945 окончил курсы младших лейтенантов. С 1950 г. лейтенант Долганов - в запасе. Работал на одном из заводов г. Йошкар-Ола Марийской АССР. Награжден орденом Ленина, медалями. Умер 01.06.1956. Похоронен в г. Советске Кировской обл.

Подвиг сержанта

Непродолжительное время в первый год основания нашего строительства и исправительно-трудовых лагерей старшим инспектором по зачетам Лагерного отделения №1 работал младший лейтенант Иван Иосифович Долганов.

Призван он был в Красную Армию 14 сентября 1941 года. В Великой Отечественной войне принимал участие с октября 1942.

Старший сержант Долганов с боями дошел до Прибалтики, был храбрым воином. За воинскую отвагу и смелость в бою награжден медалью «За отвагу».

16 августа 1944 года противотанковое орудие старшего сержанта Долганова было впереди и первым приняло на себя удар бронированных машин врага в районе шоссе Кельмы-Шауляй. На него двигалось несколько танков и бронетранспортеров. Наводчик был ранен. Долганов становится за наводчика, подпускает первый танк и делает меткий выстрел. Вражеская машина запылала. Второй танк совсем близко подошел к орудью. Долганов развернул орудие и начал стрелять. После третьего снаряда загорелся и этот танк. Покончив с ним, он увидел, что другой вражеский танк угрожает соседнему орудью. Он прицелился и выстрелил. Но снаряд противника попал в его орудие. Орудие было разбито, вести огонь было нечем. Наседала вражеская пехота. Он начал в упор из автомата расстреливать гитлеровцев. В этом бою им было уничтожено до 50 солдат и офицеров противника.

Звание Героя Советского Союза присвоено 24 марта 1945 года.

В 1945 году окончил курсы младших лейтенантов.

С 1950 года лейтенант Долганов в запасе. Работал на одном из заводов города Йошкар-Ола Марийской АССР. Награжден орденом Ленина, медалями.

Умер 1 июня 1956 года. Похоронен в г. Советске Кировской области.

Погуляев. И.

//Северский меридиан.- 2005.- №10.- С. 14.

КУЛЕШОВ ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ

Родился 15 июля 1920 года в селе Верхняя Грайворонка ныне Косторненского района Курской области в крестьянской семье. В 1937 году Владимир окончил семилетнюю школу. Через год после обучения на курсах трактористов приступил молодой механизатор к работе в Жерновецкой МТС Косторненского района.

В 1939 году пришло время идти в Красную Армию. Местом службы стал город Ленинск-Кузнецкий Кемеровской области. Затем предстояли учеба в полковой школе младших командиров и получение звания старшего сержанта. Думается, в те годы и не предполагал Владимир Иванович, что станет профессиональным военным. Но жизнь распорядилась по-своему...

Каждому, кто прошел военное лихолетье, запомнился день 22 июня и тот далекий 1941 год, не только трагический, но, может быть, самый

героический год многовековой истории нашего Отечества. Кровь и боль, горечь потерь и поражений, героическое сопротивление - все это было в 41-м.

Рядовой Владимир Кулешов оказался в этом пекле в ноябре 1941 года. Заряжающий минометной роты 835-го стрелкового полка 237-й стрелковой дивизии 40-й армии Воронежского фронта. А 82-миллиметровый миномет стал для всего расчета боевым другом. Так началась фронтовая биография.

Особо отличился Владимир при освобождении Украины в ночь на 24 сентября 1943 года, когда в числе первых из состава минометной роты форсировал реку Днепр в районе села Гребки (Кагарлыкский район Киевской области) "Переправа, переправа! Берег левый, берег правый", - писал позднее А. Твардовский. Для скольких славных сынов Отечества стала она последним рубежом... Днепр - крупная водная преграда: русло реки извилистое, изрезанное многочисленными рукавами и озерами. К тому же мешали осенняя непогода да бездорожье.

Преодолев полноводный Днепр шириной 450 метров с пологим восточным и крутым западным берегами, рота, в составе которой был и Владимир Кулешов, укрепилась на небольшом пятачке. Плацдарм простреливался насквозь. Ничто живое не могло уцелеть - все перепахано гитлеровской авиацией, артиллерией, танками. Девять дней бойцы удерживали этот плацдарм, не позволяя столкнуть себя в Днепр. Мертвые держали оборону наравне с живыми. На политом кровью рубеже уцелевших осталось только двое: командир роты Еременко и В.И. Кулешов. В боях по удержанию захваченного плацдарма Владимир уничтожил автомашину с пехотой и два станковых пулемета противника. За героизм и мужество, проявленные в битве за Днепр, Владимиру Ивановичу Кулешову 23 октября 1943 года присвоено звание Героя Советского Союза.

Нелегкими оказались те военные дороги. В боях за город Житомир в январе 1944 года Владимир был тяжело ранен. После госпиталя предстояло пройти курс обучения в Иркутском артиллерийском училище.

И вновь зовет походная труба... 39-я армия, Забайкальский фронт. Летом 1945 года младший лейтенант Владимир Кулешов, командир пулеметного взвода 26-го артиллерийского полка 662-й артиллерийской бригады 17-й стрелковой дивизии принимал участие в разгроме Квантунской армии, освобождая города Харбин, Мукден, Порт-Артур. Родина по заслугам наградила своего сына: Владимиру Ивановичу вручены "Золотая Звезда" Героя Советского Союза и орден Ленина, медали "За боевые заслуги", "За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.", "За победу над Японией".

После войны в 1945 - 1949 годах В.И. Кулешов продолжал нести службу в Китае, городах Цзин-Чжоу и Порт-Артуре, а затем до 1952 года - Забайкалье.

За безупречную воинскую службу ему вручена медаль "30 лет Советской Армии и Флота".

Судьба связала Владимира Ивановича с Северском. Приехав в 1953 году, служил в военно-строительных частях. Командир роты в/ч 01031 старший лейтенант В.И. Кулешов стал одним из тех, кто начинал строить наш город. В памятных событиях 1958 году Владимиру Ивановичу было присвоено звание капитана, юбилейную медаль "40 лет Вооруженным Силам СССР" вручил генерал-майор М. М. Царевский.

В 1962 году В.И. Кулешов окончил курсы усовершенствования офицерского состава в г. Новосибирске. Владимир Иванович отмечен медалью особого отличия - "За безупречную службу" II степени. В звании подполковника комендант гарнизона в/ч 20161 В.И. Кулешов покинул Северск. Его семья выехала на Украину. С 1976 года персональный пенсионер союзного значения полковник запаса В.И. Кулешов жил в городе Киеве.

Владимир Иванович умер 17 июня 1981 года. Похоронен на Лукьяновском военном кладбище в г.Киеве.

Имя Героя Советского Союза Владимира Ивановича Кулешова носит школа в его родном селе Верхняя Грайворонка. В Северске живет добрая память о нем - на доме № 96 по пр. Коммунистическому, где жил Владимир Иванович, установлена мемориальная доска.

Из воспоминаний В. И. Кулешова

...Это было осенью 1943 года. Мне тогда было 22 года. Я с первых дней войны был на фронте, имея лишь незначительные ранения, но участвовал уже в жестоких боях, имел небольшой фронтовой опыт. Испытал горечь войны, разлуку с лучшими фронтовыми друзьями. В сражениях приобрел сноровку, выдержку, выносливость и стал более спокойно переносить фронтовые невзгоды.

В октябре 1943 года меня из одной части перебросили в другую на форсирование реки Днепр, назначив командиром минометного расчета.

К вечеру нас вызвал командир батальона и сообщил о поставленной партией и правительством задаче:

- 1) высадиться на правый берег Днепра;
- 2) выбить врага из траншей;
- 3) атаковать боевые охранения;
- 4) занять береговые рубежи, обеспечивая этим переправу другим подразделениям.

Задача была нелегкая, это каждый из нас понимал, скрывая свое волнение. Ночь перед форсированием Днепра была тревожной. Многие не спали, не спалось и мне. На

всякий случай мы обменялись адресами родных, еще и еще раз проверили все, что необходимо было взять с собой.

Вдвоем с наводчиком я вышел на берег, чтобы посмотреть на седой и задумчивый Днепр. Кругом царил тишина. Тумана еще не было, он

поднимался к утру, как верный наш союзник. Воздух над рекой был чист, и тот берег казался далеким.

Фашисты вели себя, в общем "спокойно", но на звуки откликались чутко. Хрустнет сучок под ногой, и тотчас вспыхнут осветительные ракеты. Враг имел оборону, минные поля, проволочные заграждения, мощные доты и дзоты. И каждый день к Днепру подтягивались новые силы. Артиллерия и ганки охраняли все подступы к Днепру, прожекторные установки ощупывали каждый метр побережья.

Наступал рассвет... Река и берега окутались густым туманом. Все с нетерпением посматривали то на часы, то на плывущую над рекой пелену тумана.

И вот в 6 часов утра утреннюю тишину разорвал залп наших минометов. Он слился с мощным голосом всей артиллерии. Пронеслись над рекой самолеты штурмовой дивизии. Форсирование Днепра началось...

Мы сели в рыбацкую лодку, которую заранее достали в селе Гусенцы, и поплыли вперед. Когда отплыли от берега, враг заметил нас и начал обстреливать. Волны бросали лодку то в одну, то в другую сторону. От разрывов снарядов и мин, казалось, кипела вода. Недавняя тишина сменилась нестерпимым шумом, громом орудий, стоном раненых. Лодку нашу пробило, убило двух товарищей. Мы, вычерпывая воду котелками, упрямо продвигались вперед. От прямого попадания тонет соседняя лодка нашей роты. С большим трудом, потеряв уже некоторых товарищей, несколько уцелевших лодок нашего подразделения, подошли к берегу.

Высадившись, с ходу атаковали боевое охранение. Выбили противника из первой траншеи, ворвались во вторую. Фашисты отходят. Ряды наши редеют. Все, кто мог держать оружие, дрались с фашистами. Нам нужно было считанными наличными силами удержаться до подхода наших основных войск.

А тут начались контратаки. Усталые, мокрые, раненые, мы отбивали одну атаку за одной. Прошло уже немало времени... Враг не давал возможности оказать помощь раненым, а тяжело раненных отправить на другой берег.

На Днепр обрушился металлический ливень. Казалось, что здесь не осталось ни одного квадратного метра, не вспаханного снарядами, и растения, не срезанного осколками и пулями. Здесь не могло уцелеть ничто живое.

Девять суток мы удерживали завоеванный плацдарм, отбивая одну атаку за другой. Девять суток бесновался враг, но так и не смогли фашисты опрокинуть нас в Днепр (совсем маленькую горсточку солдат!).

Жаль, что не всем из нас посчастливилось участвовать в сражении до конца. Но все они участвовали в подвиге. И мертвые держали оборону наравне с живыми. Политый кровью рубеж стал вдвое и втрое дороже и важнее в глазах живых. Как сейчас помнится: вместе со столами раненых будто стонал и содрогался седой Днепр.

Очень большие потери понес наш батальон, но он тогда сделал все, что мог. Выбив врага из траншеи и заняв береговые рубежи, мы обеспечили переправу другим подразделениям. Мы заплатили многими жизнями. Из роты мы уцелели вдвоем. Я и командир роты Еременко, который погиб через пять месяцев после сражения на Днестре. Еще больше были потери врага. Траншеи и ходы были забиты трупами фашистов. А мы с командиром роты, чудом уцелевшие, узнали на третьи сутки, что мне и Еременко присвоено звание Героя Советского Союза. Тогда звание Героя Советского Союза было присвоено девяти солдатам из полка. Мною уничтожено до трехсот солдат и офицеров, 5 автомашин и 6 огневых точек.

Звезду получал в Кремле. Вручал Михаил Иванович Калинин. После дойдя до Житомира, был ранен и отправлен в тыл, в госпиталь по состоянию здоровья после госпиталя направили учиться в артиллерийское училище.

После окончания училища участвовал в войне с Японией. Прошел Монголию, освободили города Харбин, Мукден, Порт-Артур.

//Кавалеры Золотой Звезды.-

Томск: Издательство Томского университета, 1999.- С. 23-32.

ЛИМОНОВ ИЛЬЯ ДМИТРИЕВИЧ

Великая Отечественная война ворвалась в жизнь советских людей ураганным ветром, перемолов, исковеркав размеренное течение довоенного времени. Изменила она и жизнь Ильи Лимонова, студента второго курса механико-технологического техникума г. Кирова. С первых же дней войны Илья просится добровольцем на фронт. Он в то время был, как говорят, "от горшка два вершка". И очень страдал от этого. И плакал. А как же - всех добровольцев берут в армию. А ему в военкомате прямо как и говорят: "Ваше дело учиться. Придет время - Родина позовет. Подрасти еще".

После третьего курса техникума, в день своего рождения, 27 июля 1942 года Илья и был призван в армию Ждановским райвоенкоматом г. Кирова. В августе 1942 года он становился курсантом Рязанского пулеметного училища в г. Касимове. А вскоре, после окончания ускоренных курсов, в мае 1941 года в звании младшего лейтенанта был направлен на фронт. Так вместо студенческой скамьи Илья Лимонов стал командиром пулеметного взвода 1000 стрелкового полка (309-я стрелковая дивизия, 40-я армия, Воронежский фронт),

И вот он - фронт. На четвертый день боев под Белгородом - первое ранение. Госпиталь. И опять фронт: 957-й полк Пиретинской дивизии. И странным образом сказались на нем, мальчишке, военные тяготы и невзгоды

- он стремительно начал расти! Действительно, фронтовой год стоил нескольких лет мирной жизни. И безусые пацаны за несколько часов на войне проходили весь жизненный путь убеленного годами зрелого мужчины.

Фронтовые дороги привели младшего лейтенанта Лимонова в 1943 году к Днепру. Командующий 40-й армией Маршал Советского Союза К. С. Москаленко вспоминал впоследствии: "...Итак, перед соединениями и частями 40-й армии стояла невероятно трудная задача - с ходу преодолеть Днепр с весьма ограниченным количеством штатных переправочных средств под огнем противника. И тот факт, что она оказалась по плечу нашим воинам, до сих пор наполняет сердце гордостью за советского солдата, не знающего преград в борьбе с врагом. Войска были окрылены успехами в боях за освобождение Украины. Политорганы, партийные и комсомольские организации оказали командованию армии и ее соединениям огромную помощь в подготовке и осуществлении броска через Днепр. Широко разъяснялось значение форсирования реки с ходу. Лозунгом дня стали слова: "Даешь Днепр!".

Исключительно важную роль в мобилизации войск армии на форсирование Днепра сыграло обращение Военного Совета фронта с призывом напрячь все силы для выполнения долга. В нем говорилось: "Славные бойцы, сержанты и офицеры! Перед Вами родной Днепр! Вы слышите плеск его седых волн. Там, на его западном берегу, древний Киев - столица Украины. Вы пришли сюда, на берег Днепра, через жаркие бои, под грохот орудий, сквозь пороховой дым. Вы прошли с боями сотни километров. Тяжел, но славен Ваш путь... Вы с честью выполнили свой воинский долг перед Родиной. Слава Вам, богатыри! Сегодня наш путь - через Днепр. Окиньте взглядом берег, что стоит перед Вами. Там Киев, украинская земля, там дети и жены, отцы и матери, братья и сестры. Они ждут Вас!". И воины армии ответили делом на призыв. В ту ночь, 23 сентября 1943 года, страшным был Днепр. Немцы расположились на правом, высоком берегу. Наши бойцы - на левом, пологом берегу, как на ладошке, перед разъяренным военными неудачами, хорошо укрепленным врагом. Для многих советских солдат и офицеров эта ночь переправы стала последней. Каждая лодка, каждое бревно или коряга хорошо просматривались фашистами, служили прекрасной мишенью. То и дело вспыхивали ракеты, освещая темную воду. Ночь, а как днем светло - от света ракет, вспышек огня, трассирующих очередей пулеметов. Задача проста, ясна и в то же время архисложна - обеспечить прорыв обороны противника в районе Бруклинской излучины, форсировать Днепр в районе сел Балык и Щучинка (ныне с. Балыко — Щучинка Каргалыкского района Киевской области Украины).

Илья был командиром взвода, а ротой командовал почти его земляк, горьковчанин, старший лейтенант Курбанов. По приказу Курбанова лодки отчалили от левого берега. Скрип уключин, всплески весел по воде - и переправа уже обнаружена. Под шквальным огнем немцев горела вода, рядом вставали кормой кверху и скрывались в водяном смерче лодки, тонули люди.

Только по счастливой случайности лодка, в которой находился Илья с товарищами, оказалась немного в стороне от основного направления огня противника, это и позволило им выйти из-под обстрела. Вступив на землю, осмотрелись - двенадцать человек и два станковых пулемета. Не густо. Неужели никто больше не уцелел, не прорвался через огненный заслон? Через некоторое время обнаружили и переправившегося командира роты Курбанова с бойцами. Всех их осталось в живых восемьдесят семь человек из пятисот бойцов батальона. Подъем на берег был труден. Приходилось всем телом прижиматься к камням, руками искать редкие кустики, щели и выступы, пулеметы поддерживали плечами, принимали на спины, вытягивали на связанных вместе поясных ремнях. Выбравшись наверх, вынуждены были сразу же ввязаться в бой с немцами, которые окопались на берегу. В этом первом бою был убит командир роты Курбанов. И тут услышал Илья слова, обращенные к нему: "Товарищ младший лейтенант! Что делать будем? Приказывайте. Вы старший." Пришлось младшему лейтенанту Илье Лимонову командование оставшимися в живых бойцами взять на себя. Закрепившись на правом берегу, вырыли окопы, падая от напряжения и усталости.

Приготовились защищать отвоеванный клочок родной земли от врага. За первый день обороны пяточка земли бойцы под командованием Лимонова отбили шесть атак противника. Теряли своих товарищей наши воины. Ждали спасительной ночи, надеясь, что за ночь начнется полное наступление наших войск, прорвутся товарищи через Днепр. Только бы продержаться!

Но фашистам прорвавшиеся на их рубежи бойцы были как кость в горле. Они решили вытеснить, уничтожить группу людей любой ценой. Был проведен сильнейший артобстрел территории, которую удерживали советские солдаты. Огонь велся из-за леса широким захватом, изогнутой дугой, не жалея снарядов.

Немцы, полагая, что все живое на холме после артобстрела уничтожено, начали наступать уверенно, шли нагло, в полный рост. Это и помогло неожиданно легко и быстро нашим бойцам отбить атаку огнем всего двух пулеметов. После того, как отбили первую атаку, а уже через час вторую, каждый боец понял, что не зря всю ночь командир заставлял копать землю, возводить укрытия, что если бы не эти до кровавых мозолей ночные труды - накрылся бы плацдарм. И третью атаку отбили почти без потерь.

А днем, когда облачность немного поредела, после обстрела из крупнокалиберных минометов, немцы пошли в наступление сразу с трех сторон; от леса, по луговине, усеянной трупами, поднялись из дальнего оврага и перебежками двинулись по равнине, вдоль дороги на хутор; стали заходить с тыла, по сжатому полю. Как только возможно ближе подпустив врага, открыли огонь все. Бойцы перебежали по ходам сообщения из одной ячейки в другую, запасную, вырытую ими сбоку или ниже к склону, огонь вели с разных уровней, в разных направлениях. В этом бою трое бойцов погибли, пять человек были ранены.

Пошел мелкий, нудный дождь. Бои в дождь, в непогоду сложен. Здесь связь с товарищем почти так же трудна, как и ночью. Нет чувства локтя. Каждый один перед врагом.

Сквозь шум дождя Илья услышал треск автоматной очереди, второй, третьей. Это высланные секреты дали знать: "Идут немцы". Начиналась пятая атака за день. В этом бою Илью Лимонова контузило, но, преодолевая себя, он сумел подтянуться к пулемету, - послал длинные очереди по врагу. После этого самого трудного и тяжелого боя за двое суток из восьмидесяти семи человек в живых осталось только сорок два человека и только двенадцать из них без царапин.

И тут заговорила наша дальнобойная. Вот оно, наступление, пришло, долгожданное. Гремело, грохотало над Днепром, рвались тяжелые снаряды здесь, на правом берегу, разбивая немецкие укрепления, рвались и дальше, в глубине, в тылах. Казалось, от грохота плотнее стал воздух, тучи редели, таяли, словно их кто-то расталкивал. Через полчаса на берегу появились наши солдаты. Плацдарм! Какое это огромное понятие и не больно-то простое. Была вот эта махонькая гривка - плацдарм. Пустяк ей в масштабе местности, но значение она имела крупное. А теперь вот наступление, и как широко разворачивается. Это уже не гривка какая-то, а, можно сказать, территория! И тоже плацдарм! А без крохотной гривки и большого плацдарма не достигнешь!

За удачное форсирование Днепра в ночь с 22 на 23 сентября 1943 года, за удержание захваченного плацдарма в течение двух суток, за проявленные находчивость, отвагу и мужество при отражении многочисленных атак противника присвоить младшему лейтенанту 957-го стрелкового полка 309-й стрелковой дивизии Илье Дмитриевичу Лимонову звание Героя Советского Союза (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 23 октября 1943 года).

А было ему тогда всего лишь 19 лет...

В дальнейшем фронтовые дороги вели Илью Лимонова по Румынии, Восточной Пруссии. Здесь его тяжело ранило и контузило. День Победы он встретил в госпитале, в июне 1945 года он вернулся на родину. После войны продолжил Илья Лимонов обучение в Кировском механико-технологическом техникуме. По окончании, с 1948 года, работал механиком цеха на Кировском шинном заводе. Как и все, трудился, привыкая к мирной жизни, хотя давали о себе знать фронтовые раны. В 1946 году женился. В июне 1951 года его, как офицера запаса, направляют на строительство № 601, в Сибирь. Так он вместе с женой попадает в наш город. Работал в должности прораба дорожно-строительного участка Главной конторы механизации УИТЛ строительства № 601 до 1955 года, строил гидротехнические сооружения для обслуживания производства. Трудился, не жалея сил, времени, здоровья, с утра до позднего вечера.

Три тяжелейших ранения и контузии не прошли бесследно. В 1955 году Илья Дмитриевич Лимонов в звании техника-лейтенанта был уволен в запас

по состоянию здоровья. Персональный пенсионер союзного значения. Все последующие годы он активно занимался просветительской работой в обществе "Знание", ДОСААФ, Комитете ветеранов войны (г. Москва), Городском Совете ветеранов.

А в 1975 году окончил физико-математический факультет Томского государственного педагогического института им. Ленинского комсомола. Имел авторские свидетельства на наглядные пособия по физике и математике. Ряд наглядных пособий для школ г. Томска изготовил сам. Но война постоянно напоминала о себе тяжелыми болезнями, осложнениями после полученных фронтовых ран. Не пришлось Илье Дмитриевичу преподавать, все чаще приходилось подлечиваться в госпитале. Многие жители нашего города помнят прогуливающегося худощавого мужчину, опирающегося на тросточку, в военной форме младшего лейтенанта. Очень скромный, порядочный, даже стесняющийся многословия в рассказах о себе, он всегда старался поддерживать тесные контакты со школьниками нашего города, рассказывал им о тяжелейших испытаниях, выпавших на долю советского народа в годы Великой Отечественной войны. И школьники отвечали ему взаимностью. Были частыми гостями у него дома. Он был удивительно современным человеком, тонко и глубоко чувствовавшим время. 4 июля 1991 года Илья Дмитриевич Лимонов умер на 67-м году жизни. Фронтовые раны и болезни все же одолели сердце прекрасного человека. Похоронен он в городе Северске, в Аллее Славы. На доме, где он проживал, по ул. Царевского, 5, установлена мемориальная доска. Но память о нем как о Герое Советского Союза и просто прекрасном человеке навсегда останется в памяти всех, кто когда-нибудь был с ним знаком.

//Кавалеры Золотой Звезды.-

Томск: Издательство Томского университета, 1999.- С. 35-52.

ТРОФИМОВ ФЕДОР ЛЕОНТЬЕВИЧ

Сибирское село Новосергеевка Кожевниковского района Томской области находится вдалеке от основных дорог, живет своей размеренной крестьянской жизнью. Когда в семье Трофимовых 15.02.1919 г. родился сын Федор, никто и не предполагал, что судьба у парнишки будет особая.

Этому поколению пришлось столкнуться с суровым испытанием - войной. Они выстояли, пройдя через горнило страшных сражений. Воины-сибиряки прославили себя невиданной храбростью, смекалкой и пониманием ратного дела, а Федор Леонтьевич был одним из них.

В деревенском доме без ежедневного, часто тяжелого труда не прожить. Рано остались без родителей пять братьев и две сестры Трофимовы. С детства пришлось им научиться зарабатывать себе на хлеб и защищать свою честь.

В 1929 году переехала семья в Томск, Федор закончил 7 классов. Здесь в 1936-1939 годах работал он мастером - наладчиком на спичечной фабрике "Сибирь".

Вскоре сбылась мечта – поступить в Кемеровский горно-угольный техникум. Когда началась Великая Отечественная война. Федор неоднократно обращался в военкомат с заявлением направить его на фронт. Просьба его не была удовлетворена. Стране нужен был уголь, поэтому на шахтеров Кузбасса была наложена "бронь", то есть запрет на призыв. С 1942 года Федор Трофимов работал на шахте "Пионер" в городе Кемерове.

И только в октябре 1943 года Кемеровским райвоенкоматом он был призван в армию. После двухмесячной учебы в Ачинском учебно-подготовительном полку в декабре 1943 года был направлен на фронт. Стал он разведчиком 681-го стрелкового полка 133-й Смоленской краснознаменной орденов Суворова, Богдана Хмельницкого стрелковой дивизии, 40-й армии, Второго украинского фронта. Воевал в разведке, а там что ни день, то боевой эпизод. Воевал хорошо, по-сибирски, получил медаль "За отвагу".

В результате успешных наступательных операций войск Красной Армии к весне 1944 года сложилась благоприятная обстановка для полного освобождения всей Правобережной Украины. Потерпев в январе и феврале крупное поражение, немцы стремились, во что бы то ни стало закрепиться, удержать за собой оставшиеся районы Правобережной Украины. Советское командование, оценивая сложившуюся обстановку, решило продолжать наступление, добиваясь окончательного разгрома вражеских сил на Украине.

Передовые соединения и части 40-й армии, преодолевая тяжелые погодные условия и бездорожье, устремились к Днестру, сходу начав форсирование этой водной преграды. Немцы, отступая на запад и юго-запад под ударами наших войск, цеплялись за каждый выгодный рубеж, оказывали упорное сопротивление. Командный состав дивизий и полков хорошо понимал, что чем быстрее мы выйдем к Днестру на более широком фронте и чем больше переправим войск на правый берег, тем скорее будут освобождены города и села Советской Буковины. Атаки полков следовали одна за другой. 681-й полк, где служил Ф.Л.Трофимов, оказался в авангарде дивизии и к вечеру 23 марта вышел к Днестру западнее села Липчаны. Обстановка не позволяла мешкать, и в ночь с 23 на 24 марта полк приступил к форсированию Днестра. Как всегда, в полку первыми начали переправу разведчики во главе с начальником разведки полка капитаном А.В.Михайловым. При этом особенно отличился взвод пешей разведки полка под командованием младшего лейтенанта П.П.Павлова, где и служил Федор Леонтьевич. Переправились на утлых лодчонках на правый берег реки. Был март, разлив. Как добрались - невозможно сейчас представить. Но

успели занять траншеи немцев. Была задача - закрепиться и дождаться основных сил своих войск. Разведчики смело проникли в расположение противника, чтобы захватить "языка", разведать огневые средства и ближайшие резервы врага. В первый же час переправы пленный был взят и доставлен в штаб полка сержантом А. Сасовым. Но не только добыванием ценных сведений отличились разведчики. Пришлось закрепляться на "пяточке" земли и обороняться. Наступивший день был самым горячим. Отбили восемь атак.

Имея численное превосходство, противник стал окружать смельчаков. Атакой разведчики уничтожили многих гитлеровцев, семерых взяли в плен. Продержались до ночи, когда подошли главные силы дивизии.

Переправившись через Днестр, наши войска развивали наступление дальше, на запад. И впереди всегда были разведчики, собирающие сведения о расположении сил врага, его огневых рубежах. 28 марта 1944 года противник силой до двух батальонов пехоты при поддержке шести танков, двух самоходных орудий и дивизиона артиллерии неожиданной атакой пытался выбить наши батальоны и овладеть селами Медвежи, Зеленое, Козыряны. В боях за село Медвежи отличился снова сержант Федор Трофимов со своими товарищами. Атаки немцев ценой невероятных усилий были отбиты. За успешное форсирование Днестра, за отвагу и храбрость, проявленные в боях за освобождение Буковины и Молдавии, многие воины дивизии были награждены орденами и медалями. А шести самым отважным воинам: майору К.А. Ежову, мл. лейтенанту П. П. Павлову, сержанту Федору Леонтьевичу Трофимову, рядовому П.И. Дудареву, командиру 681-го полка П.С. Билаонову - Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 сентября 1944 года присвоено высокое звание Героев Советского Союза. 133-я Смоленская стрелковая дивизия была награждена орденом Богдана Хмельницкого II степени.

Славный путь прошел наш земляк Федор Леонтьевич Трофимов, кавалер "Золотой Звезды". Принимал участие в разгроме Яско-Кишиневской и Будапештской группировок противника, освобождал Румынию, Венгрию, Чехословакию, Австрию.

Нелегка была его фронтовая дорога. Тяжелой и трудной была судьба разведчика. В каких только передрягах ни приходилось ему бывать, с какими только ситуациями сталкиваться! Трудно вспомнить, да и не считали тогда, сколько же раз ходили в разведку, гадая - вернешься ли из нее живым? А вот "общее" количество захваченных "языков" Федор Леонтьевич помнил - шутка ли, 187 человек за всю войну!

Пять ранений тяжелым грузом легли на его плечи. Каждый раз, отлежавшись, возвращался он в свою часть, в строй. В мае 1944 года при выполнении боевого задания у реки Сирет (Румыния) получил тяжелое ранение. После госпиталя штабом II Украинского фронта был направлен в 129-й линейный батальон связи, командиром отделения. А в 1945 году, в январе, за участие в выводе из окружения десанта союзников, наш земляк

был награжден одной из высших наград США - орденом "Крест Отличия". Вот что написано в наградном документе: "Всех, кто удостоен этой награды, встречать аплодисментами. Удостоверяем, что президент Соединенных Штатов Америки на основании постановления Конгресса от 9 июля 1918 года награждает Знаменитым Крестом за отличную службу Федора Леонтьевича Трофимова, служащего Красной Армии СССР, за чрезвычайный героизм в связи с военными действиями против вооруженного врага." На Западном фронте было гораздо меньше немецких дивизий, и все же союзникам без советских войск туго бы пришлось. Потому что мы бились с фашизмом не на жизнь, а на смерть.

День Победы встретил Ф.Л.Трофимов в чешском городе Брно. К сожалению, для него и его товарищей 9 мая не было последним днем войны. Под Брно бои продолжались до 14 мая. И когда 9 мая услышали стрельбу, то думали, что опять либо "власовцы" прорвались, либо немцы. Потом увидели, что все радуются, стреляют в воздух. А после победного мая 1945 года Ф.Л.Трофимов был направлен на борьбу с фашистскими пособниками в Западную Украину, где тоже, ох, как нелегко пришлось сибиряку.

Только в июле 1945 года уволен был в запас старший сержант Трофимов. Грудь украшали боевые ордена: орден Красной Звезды, орден Отечественной войны II степени, медали "За отвагу" и "За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 гг.", орден "Крест Отличия". Золотым огоньком полыхала звездочка Героя Советского Союза. Война окончилась. Нужно было перестраиваться на мирный лад, обустривать свою жизнь. Федор Леонтьевич поступает в Московский механический институт Наркомата боеприпасов, а в октябре 1945 года переводится в Томский политехнический институт им. С.М. Кирова. Поближе к дому, к родным. Но и тут война напомнила ему о себе. Последствия ранений не дали ему закончить институт.

Трудно жили. Работали, мечтали о завтрашнем дне, радовались, что окончилась война, скорбели о погибших фронтовых друзьях и родных - три брата Федора Леонтьевича сложили свои головы на полях сражений. В 1946 году Федор Трофимов женился. В жены взял очаровательную студентку мединститута Нину. В 1947 году радовались они появлению на свет первенца, сына Вячеслава.

А с 1949 года судьба Ф.Л. Трофимова и его семьи прочными нитями связана с нашим городом. Работал он в должности начальника технического снабжения УПП "Химстрой". Работал добросовестно, ответственно. Война сделала его прямолинейным, неуступчивым, строгим по отношению к людям и, прежде всего, к себе, своим делам. Был беззаветно предан работе. Мог в любое время, хоть ночью, выехать на работу по необходимости. "Болел" за родное предприятие. Был награжден медалью "За трудовую доблесть". В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина".

Тридцать лет проработал Ф. Л. Трофимов в "Химстрое". Тридцать лет честно добросовестного труда он отдал Родине. Был уважаем в коллективе,

много встречался с ребятами, рассказывал им о своей нелегкой жизни. Вместе с женой, Ниной Кузьминичной, воспитали двоих сыновей - Вячеслава и Владимира, продолжателей рода Трофимовых. Дали обоим высшее образование. Крепок духом и жизнью своей был сибиряк Трофимов!

Но фронтовые ранения давали о себе знать болезнями. В 1979 году Ф.Л. Трофимов ушел на заслуженный отдых. Но не мог без дела спокойно сидеть ветеран. Принимал большое участие в военно-патриотическом воспитании молодежи, в делах Городского Совета ветеранов.

Почетный гражданин города. Персональный пенсионер союзного значения. Уважаемый в городе, прекрасный человек...

5 ноября 1993 года Ф. Л. Трофимова не стало. Похоронен он был в г. Северске, в Аллее Славы. Память о нем живет в сердцах всех людей, близко с ним встречавшихся...

*//Кавалеры Золотой Звезды.-
Томск: Издательство Томского университета, 1999.- С. 55-73.*

БЕЛОВ АНАТОЛИЙ ФЕДОСЕЕВИЧ

Смелого пуля боится

Почти пятьдесят лет инженер - исследователь по общей физике Анатолий Федосеевич Белов трудился на Сибирском химическом комбинате. И хоть это несоизмеримо по времени с теми годами, что он провел на войне, все же Великая Отечественная разделила его жизнь на два огромных и емких периода. Он помнит все. Речь его течет плавно, словно тихие воды реки. Но вдруг память, вопреки хронологии, вытаскивает на свет самые яркие и самые трагические куски...

На войне как на войне. Стрельба, грохот, пыль столбом. Молодой лейтенант, еще не нюхавший пороху, то и дело втягивает голову в плечи. Это потом уже старшие сослуживцы научили: «Перестань кланяться каждой пуле. Она уже пролетела, значит, не твоя».

Напрасно опасался молодой командир взвода Анатолий Белов, как примут его «старрики». Не просто приняли, а еще и заботились, как отцы родные. Боевое крещение и первые уроки взбодрили. Он сумел побороть свой страх. Это был август 1943 года. До самой зимы 1945-го они стояли в обороне и держали плацдарм на Висле.

В пулеметном взводе четыре расчета и в каждом по пять бойцов. Один из этих расчетов как раз и был направлен в боевое охранение. Вот она, передняя линия обороны. Сплошная траншея, где можно ходить в полный профиль, а из боевых позиций - смотреть и стрелять. Это основная позиция. 19-летний командир должен опекать все эти расчеты, обеспечивать их

боеприпасами, кормить людей. А в соседнем расчете отделением командовал белорусский парень. Симпатичный такой, рослый и, как оказалось, сообразительный. У немцев, стоящих напротив, завелся снайпер. Очень уж он беспокоил наших ребят. Выследит, бывало, когда кто-нибудь из них бежит через ложок по открытой местности, обязательно либо ранит, либо убьет. И так почти каждый день. Ух и надоел! И задумали наши солдаты с ним потягаться. Анатолий решил, что сам возьмет этого нахала на мушку. Пошел в тыл, попросил снайперскую винтовку, потренировался для верности. Выследили этого снайпера. Толя навел бинокль. Ага, метрах в трехстах замелькала мишень - фанерка нарисованная. Этот немец дразнить начинает: то часть головы покажет, то мишень эту в виде головы. Как бы вызывает огонь на себя. Ну и чтобы самому точнее ориентироваться. Анатолий наблюдает, ни на секунду глаз не отводит. Немец кладет мишень на брусок и ждет. И Анатолий ждет. И вдруг ба-бах! Снайпер стреляет и точно попадает прямо в нашу амбразуру. Увидел, гад, блески от бинокля и направил огонь в эту щель. Осколками грунта брызнуло Толе по губам. Пуля пролетела мимо, не попала, а мурашки по спине наперегонки. Опасная игра. Игра со смертью. Тем не менее, наш герой не отказался от своей затеи потягаться с таким опытным снайпером. Правда, понял, что от греха подалеже надо передвинуться к задней стенке окопа, поглубже спрятаться. Повторение операции перенес на следующий день.

Приходит. А белорус радостный такой на встречу ему. «Я, - говорит, - пристрелил его уже. Из пулемета. Рано утром выходит фриц из землянки, идет в свой тыл, набирает вязанку дров и несет ее назад. Думал, наверно, что мы спим еще и не увидим его. Тут-то я его и подсек очередью из пулемета».

Это случилось 14 января 1945 года. Наши в готовились идти сразу тремя фронтами - Первым и Вторым Белорусскими и Первым и Украинским, причем с разницей в два-три дня. Общее зимнее наступление. Уже на запад. Готовились к нему основательно. Многие тогда подали заявления в партию, в их числе и Анатолий Белов. Нетерпение солдат достигло апогея. Когда же? И сколько можно сидеть в обороне? И вот наконец рано утром началась артподготовка. Она была недолгой, минут двадцать, но хорошая такая, массированная. А потом прозвучала команда «Вперед!». Все из окопов – наверх. И тут буквально метрах в пятнадцати от траншеи на глазах Анатолия ранило командира роты. Кажется он наступил на мину. Он схватился за голову, повернулся, махнул Толе рукой: давай, мол, принимай командование на себя.

- Мы двигались тучей. С энтузиазмом, напором, криками «Ура!». Кто с винтовкой, тем было полегче. А наша задача - еще и пулеметы тащить, патроны в железных коробках. Тяжело. Но - вперед! Немцы удирают, слабо отстреливаясь, иногда притормозят, пытаются обороняться. Но наш общий напор уже трудно было остановить. Причем в прорыв пошли сразу же танки, которые были уже подготовлены. Они обгоняли пехоту, руша оборону противника, мы за ними.

Это и была знаменитая тактика командующего фронтом Жукова - танковый прорыв. Тяжелая военная техника впереди, за ней все остальные. Добивают немцев, которые все никак не сдаются. А дальше пехота пошла уже не просто цепью, а кулонной. Впереди нее движется небольшое подразделение, так называемое боевое охранение. Это для того, чтобы не напороться на серьезное сопротивление жертвовать всей колонной. Так и шли. И если в первый день они продвинулись всего на 20 километров, то во второй - уже под 60. Смекалка солдатская выручила. Идут по польской деревеньке. Встречают их местные жители. Разговорятся «Ну, ты помоги нам, - просят какого-нибудь поляка. - Видишь, какая техника тяжелая у нас. А у тебя лошадь. Давай запрягай, подвезешь нас до следующей деревни, а там мы тебя отпустим». Запрягает хозяин кобылу, складывают наши бойцы пулеметы на телегу, а сами идут налегке. Как правило, до следующей деревни крестьянин не доходил, терялся где-то по дороге. Таким вот макаром и лошадей поимели, и всю технику на них протянули до самого Берлина.

Поляки встречали их как освободителей. А что они там про себя думали, не всегда понятно было, Где-то и осторожничали. Лошадей отдавали, а сами бежали потом без оглядки.

А на третий день вообще километров 80 отмахали. Серьезных боев уже не стало, лишь локальные, но все равно были и убитые, и раненые с той и другой стороны. Дошли до Познани. В этом городе в Первую мировую войну построили сильную крепость. И в ней, за толстыми кирпичными стенами, укрывались немцы, причем довольно большой гарнизон. Как потом выяснилось, порядка 40 тысяч человек. Крепость была хорошо укреплена и обнесена рвом с водой. С ходу такую махину никак не взять. Да и огнем фашисты не подпускали наших близко. А задача фронта оставалась прежней - продолжать танковый прорыв. Подразделение, в котором служил Анатолий, оставили в Познани. Приказа взять крепость не поступало, и они сторожили засевших там немцев. Простояли довольно долго. Причем условия у наших солдат были далеко не лучшие. Начало февраля, по тем широтам уже весна. Слякоть все раскисает.

- Как только мы дошли до этой крепости, тут же организовали временную оборону, выкопали окопы, траншеи. Глубоко копать не получалось - низина, а дальше вода. То есть в полный профиль не встанешь. Но надо охранять, из траншеи ни на шаг. Кольцом расположились вокруг. Нелегко пришлось нашим бойцам. Я уже исполнял обязанности командира роты, четыре взвода у меня, и в каждом - по четыре пулемета. Целое хозяйство. И всех надо накормить, снабдить боеприпасами. Как только стемнеет, мы в термосах несем горячую пищу в глубину траншеи.

Анатолий Федосеевич уверяет, что не было такого случая, чтобы солдат наших надо было понукать или заставлять что-то делать. Они проявляли удивительную находчивость и смекалку. Так было, к примеру, с немецким транспортным самолетом, который регулярно каждую ночь прилетал и сбрасывал подарки в недра крепости - боеприпасы, пищу,

медикаменты. А у наших не было зенитных орудий, чтобы сбить этот наглый самолет. И они только наблюдали. Но включили-таки фантазию, решили поохотиться за этим летуном с противотанковым ружьем. Тот приближался к крепости на сравнительно небольшой высоте. Наши солдаты залезли на чердак, проббили там черепицу, поставили кол, на него пристроили колесо от телеги, привязали ружье к колесу. Зная примерную скорость самолета, рассчитали опережение прицела. И как только стемнело, встретили и подбили. Минут через десять звонок из штаба. «Кто стрелял?» Доложили. Снайпера подразделения наградили потом орденом Красной Звезды.

Крепость охраняли до 23 февраля. Пришли свежие силы штурмовиков и сломали ее всего за сутки, вывели оттуда всю 40-тысячную немецкую армаду. А бойцы наши снова вперед, догонять своих. Впереди уже Одер, а там и Берлин. Сплошь поселки городского типа и небольшие городишки. Здесь пришлось вести не совсем обычную тактику боев. Каждый дом брали отдельно. Это так называемые уличные бои. А что значит в чужом городе уличный бой? Видно лишь то, что открыто глазу. Наши-то вот они, как на ладони. Немцы же знают все ходы и лазейки. Сидят в обороне и поджидают. Из каждого подъезда, из каждого окна могут послать тебе «пламенный привет». Особенно активно использовали они подземные коммуникации. По ним и уходили ловко, и в наши расположения то и дело ныряли. Приподнимут крышку люка - и давай стрелять. Так что наших потерь здесь было больше.

- Особенно донимали нас их фауст-патроны. Гранатометы такие особой конструкции, способные пробить броню танка. Из них даже в районе ста метров можно стрелять прицельно. У нас такого оружия не было. Фауст этот не очень тяжелый, и с ним можно куда угодно подняться. Ну мы достаточно быстро приспособились к изменению тактики уличного боя, стали организовывать временные штурмовые отряды. Ставилась конкретная задача взять тот или иной дом. В штурмовой отряд входили автоматчики, пушка, танк, а на большие объекты даже авиационную поддержку давали. Отряду не требовалось ждать команды, они решали все самостоятельно и по своей инициативе. И это действовало очень эффективно.

На подходе к Берлину в небольшом городе Фюрстенвальде Анатолия Белова контузило этим самым фауст-патроном. Но очень уж не хотелось ему до конца войны уходить в госпиталь, и он продолжал сражаться вместе с однополчанами. Так они прошли Потсдам, потом дальше, дальше, а 7 мая вышли на берег Эльбы. Западный Берлин. На той стороне реки англичане, на этой - наши. Немцев нет. И тут совершенно незнакомое чувство охватило всех. Тишина. Никакой стрельбы, никаких взрывов. И весна. Травка зеленая, птички поют. Что-то нереальное. Как-то вроде и делать нечего. Но закон солдата неумолим: раз остановился, жди возможного противника, окапывайся, делай временную оборону. А в ночь на девятое всполошились вдруг союзники на другом берегу. Подняли беспорядочную стрельбу трассирующими пулями вверх. Фейерверк настоящий устроили.

- Мы не понимали, чего это они там бесятся. Оказалось, уже узнали о победе. А мы еще не в курсе. У нас была трофейная радиостанция, по которой я постоянно слушал сводки Совинформбюро. Включаю утром, настраиваю. Победа! Я как заору что есть мочи. И тогда уже и у нас началась радостная стрельба.

Так они встретили этот счастливый день. Стреляли вверх, обнимались, целовались, плакали. Живы остались! И Победа, и весна, и конец войне! А где-то к полудню приехали из политотдела дивизии офицеры с документами, чтобы принять в партию оставшихся в живых. И Анатолия Белова в том числе. А осталось их, подавших заявления в январе 45-го, только трое. Из четверых же, назначенных в роту, только один...

Несколько дней Толя провел в Берлине в составе оккупационных войск, а потом их дивизию расформировали, и попал он уже в составе другой дивизии на берег Балтийского моря. В казарменном немецком городке стояли долго. Анатолия направили в госпиталь подлечиться. Это был немецкий санаторий, который считался одним из трех лучших в Европе. Шел 1946 год. Вернувшие: из санатория, он узнал, что срок его службы закончился...

Валентина Калинина.

//Диалог.-2005.- 17 марта (№11).-с.11.

БУЛГАКОВ НИКОЛАЙ СТЕПАНОВИЧ

Многие годы провел этот человек в УАТ «Химстрой». Работал, не афишируя наград, и не скоро узнали о его боевом прошлом товарищи-автомобилисты.

Тысяча девятьсот сорок первый.

Войны еще нет, но она будет! Это чувствуется по всему, даже по голосу радио.

Вот и под Тамбовом, в русской глубинке, кипит сражение. Десанты, взрывы, дым - пока все это не настоящее. Курсанты, новобранцы, орава ремесленников - все брошены в «бой». Командуют лихие кавалеристы - кадровые бойцы Красной армии. Ночью-тревога: угрожающее положение. ПВХО - противовоздушная химическая оборона.

Коля учится в техникуме, изучает автомобили. Вот попасть бы в военное училище - в танковое, да не дорос Колька, не дорос. Впрочем, и его учеба не совсем мирная: шоферу на будущей войне дела хватит! Военное дело здесь изучается со всей серьезностью: окончил техникум - и командир взвода! Страна готовится к боям, и Коля не отстает от товарищей. И рвутся толстые шашки, ползут дымовые завесы - идет большая военная игра.

В июне взрывы стали настоящими. И осиротел техникум: старшекурсников не медля мобилизовали. Остались лишь мальчишки - мелкота! Мальчишки тоже осаждают военкомат. Ну, а если, ну, а вдруг да и сдастся военком: направит в танковую школу?

Не сдастся военком. Не дает направления. Ребятам, правда, занятие находит: кому-то же надо разносить повестки! И рыскают они по растревоженному городу, ищут новобранцев. Коля тоже ищет - до вечера, дотемна.

А война идет и идет - месяц, другой, третий. Вот уж и праздничные колонны на улицах - Седьмое ноября. Учащиеся техникума уже на правах курсантов - в военной форме, с настоящими винтовками.

Коля продолжает осаждать военкома. Тот, как и прежде, находит дела: копать траншеи, разносить повестки...

Однажды парнишка вернулся поздно - после одиннадцати. Дома его ждала еще одна повестка - теперь уже ему, Николаю Булгакову. Понял его военком, направил в учебный автополк.

Полк был размещен в Горьком. Снова потянулась учеба. В машинах Коля уже разбирался - то были все те же ЗИС-5, ГАЗ-ММ: небогатый ассортимент довоенной автопромышленности. С одинаковым усердием они работали и на полях сражений, и на колхозных полях. Но пришлось изучать и другие машины - орудия войны. Николай стал зенитчиком.

Ногинск, Обоянь, дальше - Курск. Боец Булгаков - шестой, потом и пятый номер орудийного расчета. Шестой подносит снаряды, пятый - заряжающий: действуй умело, четко, без суеты! Война не шутит. Кружат в небе самолеты, и бросает в небо зенитная установка крошечные снаряды 37-миллиметрового калибра. Зато в изобилии: сто восемьдесят выстрелов в минуту! Против авиации оружие подходящее. Гляди зорче в небо, прикрывай родные «ястребки»! Случалось бить и прямой наводкой по пехоте: мал снарядик, да взрывной...

Сколько «юнкерсов» да «хейнкелей» сбил пушкарь Булгаков осталось неизвестным. Когда воздушный пират попадает в железные клещи массированного огня, автора решающей очереди установить нелегко. Да и солдатский орден Славы получил не один заряжающий: за метко сбитый фашистский стервятник представили к награде весь орудийный расчет.

Многого в те дни еще не знал боец. Не знал, что район их действия в будущем назовут Курской дугой. И что их танковая армия под командованием генерал-лейтенанта Катукова нанесет сокрушительный удар по бронетанковым силам врага.

Солдату тяжелы и генеральные сражения, и бой местного значения. И пока еще броневая дуэль под Прохоровкой для Николая - просто один из боев, а Михаил Ефимович Катук - просто генерал.

Но скажет слово военная история, и поймет боец, что его боевой путь совпал с направлением главного удара, а его командующим был выдающийся полководец, и притом дважды Герой Советского Союза.

Курская дуга, как мощная тетива, откинула врага на запад. Грозное течение войны понесло бойца к берегам Днепра. Охрана переправ была не менее ответственным делом, что и охрана аэродрома. Ни одна бомба не должна была разорвать с таким трудом созданную цепочку, соединяющую берега.

Пройдя главную реку Украины, Николай побывал и в ее столице. Киев был освобожден чуть раньше Октябрьского праздника. Черные тарелки репродукторов поведали о победе советского оружия - то был подарок красному дню.

Курск, Киев, Житомир - сколько еще городов впереди? Сколько предстоит переправ: Днепр, потом Днестр, а еще Буг, Висла. А пока - Буковина, стык нескольких европейских стран.

Корсунь-Шевченковскую операцию Булгаков выдержал до конца - до самого окружения вражеских войск. В ликвидации «котла» участвовать не пришлось: поизносились пушки, потерялась точность, потребовали ремонта или замены.

Потом пошла польская земля. Гвардейский Краснознаменный орден Суворова и Богдана Хмельницкого 256 полк уверенно теснил врага.

Однажды их подразделение совершило глубокий прорыв во вражеские тылы. Далеко за ночь продвинулись бойцы, и все было относительно спокойно. На рассвете, во время завтрака, нашел их тяжелый снаряд, полгода провел на белой койке боец. Там, в госпитале, и услышал победную весть.

Не вечен госпитальный покой - еще побывает в поверженной Германии израненный боец! Еще увидит чужую столицу, что долгие годы носила титул фашистского логова!

И вот он - на немецкой земле. Всего месяц прошел после победного залпа: еще прячутся немцы, еще далеко до нормальной, налаженной жизни!

Целых семь лет провел на той земле Николай. Сначала ее называли Советской зоной оккупации, затем - Восточной Германией, и далее - Германской Демократической республикой. И видел солдат, как исчезала отчужденность между народами, как оттаивали от глухой вражды суровые сердца, как зарождались первые ростки дружбы.

Митинги, демонстрации в поддержку новой Германии - и, наконец Берлинский фестиваль: море ликующей молодежи на восстановленных улицах и площадях.

В пятьдесят втором году, когда покидал Николай Степанович немецкую землю, уже звучало в полный голос одно слово на двух языках

Фройндшафт – Дружба!

*Крылов А.
//Диалог - 1995.- № 4.*

ВИГДЕРГАУЗ БОРИС АБРАМОВИЧ

После окончания Пермского медицинского института он в числе 25 выпускников был направлен на Северо-Западный фронт в район города Старая Русса Новгородской области, где была сформирована 150-я стрелковая дивизия. В 756-м стрелковом полку этой дивизии служил сначала младшим врачом, а потом, до самого конца войны, командиром медсанчасти. Кто он? Личность в городе известная - Борис Абрамович Вигдергауз. Сегодня полковник в отставке вспоминает пережитое в годы войны.

Дивизия наша вела бои в составе Северо-Западного фронта и освобождала города Калининской (ныне Тверской) области, а за взятие г. Идрица получила название Идрицкой. Затем Второй Прибалтийский фронт - Латвия и Литва, третья ударная армия Первого Белорусского - Польша. В составе этой армии мы и вступили на территорию Германии. С боями форсировали р. Одер и подошли к Берлину. Завязались уличные бои. Командный пункт располагался в доме Геринга, а санрота - в 200 метрах от рейхстага, в здании Швейцарского посольства.

Битва за рейхстаг была жаркой. Я командовал полковой медсанротой, руководил оказанием помощи, выносом раненых с поля боя.

30 апреля 1945 года батальон нашего полка во главе с командиром Неустроевым

ворвался в логово фашизма. И снова бои, но уже последние. Наши разведчики Кантария, Егоров, Съянов водрузили над рейхстагом Знамя Победы. А в горящем и разрушенном здании мы собрались 1 Мая на праздничный обед в честь окончания войны. Вечером прилетели артисты Большого театра. Вот это был концерт!

После окончания войны я был направлен в г. Познань сопровождать эшелоны с военнопленными в Россию. Затем служил в лагере военнопленных под Можайском. Летом 1950 г. был направлен в военно-строительную часть г.Томска, где три года служил старшим врачом. С 1953 по 1978 гг. - на различных должностях в военном госпитале 11014. Закончил службу по возрасту и болезни в должности заместителя начальника военного госпиталя по лечебной работе и в звании полковника. Награжден двумя орденами Отечественной войны II степени, медалью "За боевые заслуги" и 20-ю юбилейными медалями.

Вигдергауз Б. А.

//Диалог.- 1998.- 8 мая.

Он родился в 1922 году в городе Вышний Волочек Тверской губернии. Его отец Абрам Борисович, коммунист с дореволюционным стажем, работал лесником-бракером на лесопильном заводе. Мама Елена Марковна была домохозяйкой.

Семейство Вигдергаузов приехало из Вышнего Волочка в 1935 году в Подмоскowie. По окончании школы Борис поступает в 3-й Московский медицинский институт. До рокового 1941 года успел окончить только два курса. «Во время сдачи последнего экзамена по основам марксизма-ленинизма, -вспоминает Борис Абрамович,- преподаватель сказала, что всем нужно пойти в райком комсомола. Там студентам объявили страшную новость о начале войны с Германией».

В 1943 году Борис Абрамович окончил Пермский мединститут по сокращенной четырехлетней программе и получил диплом по специальности «Лечебное дело». В числе других однокурсников двадцатилетним юным парнишкой был направлен на фронт. Попал в распоряжение 756-го стрелкового полка 150-й стрелковой дивизии, располагавшегося под Старой Руссой. Это время Борис Абрамович вспоминает как одно из самых тяжелых за всю войну. Шли напряженные бои за Старую Руссу - постоянно прибывали раненые, а кругом - залитое осенними дождями болото и, кроме как на самолете, нет никакой возможности их эвакуировать. Иногда для вывоза раненых удавалось соорудить лежневую дорогу из подвернувшихся бревен и веток. Доставить продукты для бойцов в таких условиях было очень сложно, отчего были постоянные перебои с питанием, с самолетов сбрасывались сухари, гораздо реже американская гуманитарная помощь: мясные консервы, шоколад.

Борис Абрамович вспоминает, как осенью солдаты делали лежанки из прутьев, чтобы хоть как-то защититься от холода. Зимой сооружали небольшие домики из снега, иногда случалось, что зажженный в такой ледяной избушке примус растапливал ее, стенки не выдерживали и падали. По снегу перевозить раненых помогал так называемый «собачий взвод» выдавались несколько упряжек из спецподразделения под руководством вожатого - кинолога. Четвероногие помощники доставляли раненых в тыл. «Болели мало, - говорит Борис Абрамович, - наверное, оттого, что нервы были натянуты как струны». Позволить себе расслабиться нельзя было никому, а медикам тем более. «Однажды вечером, придя в санитарную палатку, измерил сам себе температуру - под сорок. Ну дали водки с перцем, пропотел, а утром - здоров, снова за работу», - это единственный случай за время обороны под Старой Руссой, когда Борису Абрамовичу пришлось обеспокоиться и своим здоровьем тоже.

В 1943 году 150-я дивизия была переброшена с Северо-Западного фронта на Второй Прибалтийский - воевать за освобождение территории Латвии. Затем Борис Абрамович попадает на Первый Белорусский фронт. По прибытии эшелонов на станцию Лигниц в Польше солдаты дивизии получают приказ прийти на помощь польским войскам - участвовать в освобождении Варшавы, где в это время происходило восстание. Пешком тогда пришлось преодолеть около двухсот километров.

Приняв участие в освобождении польских территорий, дивизия подошла к границам Германии. Шла подготовка к штурму реки Одер, но

благодаря помощи инженеров переправа ускорилась по сооруженным ими понтонным мостам. 16 апреля 1945 года началось наступление на Берлин. Дивизия продвигалась довольно быстро, потери были не столь значительны. На подступах к Берлину немецкие войска стали применять фаустпатроны, и советским командованием было принято решение обойти город по окраинам, со стороны Потсдама.

Подойдя к реке Шпрее, полк, где служил Борис Абрамович, занял резиденцию Геринга - там расположился полковой штаб. Медсанрота под командованием старшего лейтенанта медслужбы Вигдергауза разместилась рядом, в здании швейцарского посольства.

30 апреля был дан приказ штурмовать штаб немецкого главнокомандования. И после упорного боя вечером того же дня разведчики 756-го стрелкового полка 150-й стрелковой дивизии М. Кантария, М. Егоров и командир роты И. Сьянов водрузили красное знамя Победы над куполом Рейхстага.

На следующий день это событие отмечали с размахом, чему немало способствовали имевшиеся в здании большие продовольственные и винные склады. Артисты Большого театра приехали поддержать усталых и измученных войной бойцов, и вечером в полуразрушенном зале звучали фронтовые песни «радости со слезами на глазах». Война закончилась! Борис Абрамович был трижды ранен. Награжден двумя орденами Отечественной войны второй степени, медалями «За боевые заслуги», «За безупречную службу» второй и третьей степени, «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией» и юбилейными медалями - всего их у него двадцать две.

Осенью 1945-го старший лейтенант Вигдергауз получает приказ ехать в подмосковный город Можайск, после чего становится начальником санслужбы лагеря военнопленных на станции Гучкове.

Через год, поехав в отпуск к брату в Пермь, Борис Абрамович знакомится с будущей женой Рахилью Зосимовной. В 1947 году у них рождается сын Миша.

В 1950 году приходит приказ: срочно, в течение трех дней, собраться и приехать в Сибирь, в «почтовый ящик № 5». Так Борис Абрамович попал сюда, в тайгу, в населенный пункт, которому еще только предстояло стать нынешним Северском.

Его супруга Рахиль Зосимовна - тоже посвятила свою жизнь медицине. Это первый врач-терапевт нашего города - тогда еще поселка Березки, ветеран труда, труженик тыла, отличник здравоохранения.

В 1953 году в тяжелых бытовых условиях - помещения плохо отапливались, канализации не было вовсе - был организован госпиталь на Кузьминке. Он состоял из двенадцати бараков, требовавших капремонта. Только в 1962 году военный госпиталь переехал в новое благоустроенное здание в поселке Чекист. Борис Абрамович заведовал физиотерапевтическим, затем - кожно-венерологическим отделением, был начальником

поликлиники военного госпиталя. Здесь он прошел долгий путь от ординатора терапевтического отделения до заместителя начальника госпиталя.

В сложных ситуациях, когда необходима была срочная помощь - перевезти больного на операцию или вызвать для консультации нужных специалистов - напрямую договаривался с руководством медсанчасти и своим авторитетом помогал разрешить проблему, и ему не отказывали! Сталкиваться приходилось с разными по характеру людьми, но Борис Абрамович со всеми находил общий язык: перед ним не заискивали, но и не таили злость.

В 1978 году Борис Абрамович получил звание полковника медицинской службы и по выслуге лет и состоянию здоровья уволился в запас. Затем двадцать четыре года работал на гражданской должности в отделении медицинских осмотров поликлиники № 1 дерматологом.

*Прозорович О.
//Диалог.- 2009.- 4 дек.*

ВОЛКОВА (МИЛОВА) ПОЛИНА ИВАНОВНА

Санрота всегда в строю

Об этой женщине даже упоминается в книге «До последнего часа», посвященной знаменитой Саратовской 53-й стрелковой дивизии: "А ночью группа Бочкова на автомашине доставила в распоряжение батальона боеприпасы. Все следующие сутки расчлененные подразделения полка вели бой с наседавшими на нас гитлеровцами. Помню, что в тот день санитарная рота, которой командовала полковой врач Полина Ивановна Милова (девичья фамилия Волковой), разгромила большой отряд фашистов и взяла в плен более 20 солдат и офицеров".

Это было в Румынии, в окрестностях города Бреску. В сентябре 1944 года. Положение 12-го полка осложнялось тем, что, опередив другие части дивизии, он не мог пополнить боеприпасы, которые подходили к концу. Яростно контратаковали фашисты, пытаясь вырваться из окружения. Одна группа немцев вышла как раз на санитарную роту. 24-летняя Полина подняла свою, в общем-то, немногочисленную ротную молодежь, легкораненых, кто мог держать оружие - и в бой.

Она до сих пор помнит того плененного немца, кричавшего: "Хайль Гитлер!" Другие сидели на корточках, голодные и промерзшие, и периодически повторяли: "Гитлер капут". А этот хорохорился, не унимался. "Дай ему пулю в лоб" - испытывающе смотрели на своего командира

фельдшера. А у Полины перед глазами стоял Ваня Наянов, такой боевой парнишка, убитый этими немцами. Она вспомнила санинструктора Сашеньку. Как ей осколками оторвало ягодицу и ранило в живот.

...Потом Полине стало дурно. Два дня она не могла есть.

В 12-й полк Саратовской дивизии, на фронт, она попала в июне 42-го. На следующий день после сдачи госэкзаменов в Горьковском мединституте ее и двух подруг погрузили в эшелон и отправили в Москву. Когда прибыла в полк, он в то время формировался, она ожидала увидеть если не госпиталь, то хотя бы какое-нибудь добротное здание. Но санитарная рота - несколько фельдшеров, старший врач полка - размещалась в палатках. На полу - солома, плащ-палатки. Ей отгородили угол, лавочку сделали.

А потом начались позиционные бои. Свой первый страх она испытала очень скоро. На войну из дома Полина - две косички из-под пилотки - взяла свою любимую синюю плиссированную юбку. В ней и была, когда началась бомбежка. Все попрыгали в щели, загодя накопанные. А она стоит, ей свой наряд жалко. Думает: прыгну в укрытие, юбку измажу. А ей кричат: "Прыгай! Ложись!" Когда же долбануло рядом, присела, поползла, плюхнулась в укрытие.

Это позже, при форсировании Днепра, где шли ожесточенные бои, услышав гул, увидев тучу вражеских самолетов, штук 40-50, закрываешь уши в окопе и думаешь: "Подожди, бросай над нами". В этом случае бомбы по инерции упадут гораздо дальше.

Милова, как и другие медики, Днепр преодолевала среди первых. С одного берега на другой отправляла раненых. В одну из таких ходок бомба упала неподалеку, лодку перевернуло, раненые пошли ко дну. Кто-то выплыл, пытался держаться за опрокинутое суденышко. Полина держалась на воде до тех пор, пока не подошли две лодки и не забрали уцелевших. Она до войны занималась водными видами спорта, Волгу переплывала. Пригодилось.

А Днепр вспенился от вражеских снарядов, мин. Переправляющиеся подразделения несли большие потери. "Там много раненых осталось, дайте паром!" - просит Полина. "Почему перебрались?!" - строго спрашивает ее подошедший командующий 2-м Украинским фронтом. Она объясняет, повторяет просьбу. Дали паром. А боевую девчину Милову, кажется, так ее назвал штабной генерал, представили к награде - ордену Красной Звезды (потом были медали "За Отвагу", "За боевые заслуги", ордена и другие награды) Еще Милова получила ранение в голову, непроникающее, и контузию. В медсанбат она не пошла, рану обработали, перевязали. Так с повязкой и ходила.

Это в медсанбате - специальный операционный стол и хирурги, чистота. А в полковом медицинском пункте совсем иные условия и возможности - можно делать, в общем-то, лишь примитивные операции. Необходимые по жизненным показаниям. Допустим, ногу у бойца оторвало,

болтается на мышце. Ну ее, ногу, ампутировать. Или рану обрабатываешь, окажешь первую врачебную помощь. И дальше отправишь раненого.

Никогда Полина Ивановна не забудет, как умирал молодой мальчишка, наверное, и двадцати лет ему не было. Ноги оторванные, ранение в живот. Взял ее за руку, а она: "Давай держись, давай что-нибудь сделаем, поживешь". "Нет, - говорит и последние слова прошептал: - За Родину. За Сталина".

Выносить с поля боя раненых, в принципе, это функция не врача, а санитаров. Но, разумеется, и Полине приходилось тем заниматься. Кончится бомбежка или бой, из разных мест доносится: "Сестричка, помоги!"

А сколько убитых ей пришлось повидать. Наших специальные команды сразу старались подбирать. А немцы иногда подолгу оставались лежать, затоптанные в грязи. Перебирается матушка-пехота на повозках с одного места на другое. Едут повозки иной раз прямо по вражеским трупам. Смотришь, рука из-под раскисшей земли высунется. Жуткая картина.

Когда освобождали Левобережную Украину, гитлеровцы, отступая, применили тактику "выженной земли". В одном из населенных пунктов, куда они пришли за водичкой, все колодцы оказались завалены хламом и трупами гражданского населения. В одном из них Милова увидела несколько детских трупов, совсем маленьких. Колодцы очищали, поднимали из них воду, дезинфицировали, кипятили. Иногда привозили из других мест.

Полина Ивановна хорошо помнит своих сослуживцев. Вот повар Якуба, старенький украинец. Пока всех раненых перевяжешь, пока отправишь в медсанбат - поесть не успеваешь. А он придет с котелком и уговаривает: "Поешь, доченька, отложи работу". Сунет тебе в рот несколько ложек каши. И расцветет. Исполнил свой долг.

Фельдшер Айматов тоже в возрасте. Его в санроту взяли из медсанбата, поближе к фронту, передовой. "Ах, какой хороший человек: половина - шоколад, половина - мармелад", - говорил он, и это у него была лучшая похвала. Так он отзывался и о командире Миловой, подкрепляя мысль аргументами: "АйMAT в медсанбат был. АйMAT - туда, АйMAT - сюда. Медали АйMAT не-е-т. Сюда пришел, командир санроты посылает АйMAT туда, сюда. А медаль - вот она!"

Повозочный Бибих по прозвищу "нацмен" поначалу не признавал в Миловой товарища. Говорят ему: "Тебя командир роты вызывает, иди". Приходит, шапка на затылке: "Комрот, я явился". Парни ему: "Ты с ума сошел. Возвращайся и доложи как положено: товарищ командир санитарной роты, рядовой Бибих явился". А он опять приходит: "Комрот, я явился". А потом обиженно поясняет: "Мне товарищ - наша Матрена из деревни, а это - не товарищ, это - капитан".

В одном румынском городишке, население которого частично эвакуировалось, а частично спряталось в специальные подземные бункеры, скот без присмотра ходил. Всем своим видом как бы показывал: мол, мы бесхозные. И несколько дней фельдшера готовили, каждый свое, нацио-

нальные блюда. Грачик Паноян - армянин, Женька Кибучава - грузин, Ислам Салакович Вердиев - азербайджанец, Ваня Наянов - татарин (тогда еще живой и невредимый): все продемонстрировали кулинарные способности. Но это - в дни затиший и отдыха. А потом - продвижение к очередному населенному пункту. В подвалах и погребках пустующих домов, особенно помещичьих усадеб, было полно варений, солений. Окорочка и колбасы висят. Попадались и вещи добротные и красивые. Шубы чудесные, мутоновые, на полу валяются.

Женщина есть женщина. Одну шубу Полина взяла с собой. Дело к зиме подходило. Шагаешь с ребятами, замерзнешь, сядешь в повозку, укроешь ноги шубой. А они с дороги-то грязные. Раз, другой, третий проделаешь эту процедуру - и нет шубы. С войны Милова привезла "трофеев" - два платья, кажется, австрийских. Но это было потом.

А до того были еще ожесточенные бои в Венгрии. Разгром фашистской немецко-венгерской части у чехословацкого города Комарно.

Кстати, Саратовская дивизия, в том числе 12-й полк, участвовала в восстановлении венгерского города Вац, разрушенного и покинутого местными жителями. За две недели отремонтировали электростанцию, по ночам стало работать уличное освещение. Через громкоговорители зазвучала венгерская музыка. Стали возвращаться жители города. Среди них было много больных, а больницы не действовали, лекарств не хватало. Милова взяла на себя организацию медицинского обслуживания населения. И вскоре больница была восстановлена.

- А какие-нибудь диверсии местного населения случались? - спрашиваю Полину Ивановну.

Призадумалась, вспомнила один случай. Это было, кажется, в Румынии. Один местный житель решил угостить троих ребят из санроты. Принес красного вина, как оказалось, отравленного, закуски. Мальчишки выпили. Один сразу умер, другой - чуть позже, третий - ослеп. Того румына бойцы сразу же нашли, расправились на месте.

Всерьез умирала Милова на войне лишь однажды. На Украине она заболела тяжелым брюшным тифом. Ее отправили в госпиталь, размещившийся в нескольких деревенских домиках. Соседка по комнате, тоже врач, умерла, теперь - очередь за ней. Потому что по всем медицинским показаниям она должна была в эту ночь умереть. В полк сообщили: "Приезжайте за ней, она сегодня умрет".

Несколько раз к ней возвращалось сознание, явь и сон путались. Она отчетливо помнила, как подарила медсестре свои трофейные ручные часы. Ими на фронте действительно "махались" не глядя. Потом она увидела мамину светлую, чистую комнату. В углу комод, а на нем - лампа с зеленым абажуром. Посмотрела Полина на абажур и думает: "А зачем это я часы отдала? Труп-то с часами красивее будет". "Катя, Катя, - зовет она санитарку. - Давай мои часы".

- А как вы, врачи, заболели брюшным тифом? - спрашиваю Полину Ивановну.

Оказывается, заразились от коровьего молока, которым угощала добрая хозяйка. "Она не с умыслом. Откуда же она могла знать?" - говорит Полина Ивановна.

А потом рассказала о такой напасти, как сыпной тиф. Это, например, когда дают марш-бросок. По несколько дней не моешься. На привале снимешь гимнастерку, держишь ее над костром - вшей выжигает. "Было и такое с нами, все испытали, все прошли", - вздыхает Волкова.

Ее до сих пор спрашивают, как она выжила на войне. А она отвечает: "Наверное, надо мной ангел летал. За меня мама день и ночь молилась. И потом я знала другое - в самые критические моменты жизни мне везло, все вдруг заканчивалось благополучно".

С будущим супругом, Григорием Артемьевичем, Полина встретилась на войне. Его в Саратовскую дивизию направили, там и познакомились. Но свадьбу сыграли после войны.

У них уже три правнучки. На 9 Мая собирались за праздничным столом большой семьей. Накануне позвонили из военкомата и сообщили Полине Ивановне о присвоении ей звания подполковника.

- Ну что ж, хоть одна польза - теперь могу приказывать мужу, как старший по званию, - отозвалась на новость Полина Ивановна.

Яковлев А.

//Диалог.- 2005.- 19 мая.

ДИКОВИЧ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Всю жизнь на передовой.

В Красную Армию Н. А. Дикович был призван в 1942 году 18-летним мальчишкой. Принимал участие в боевых действиях на Северо-Западном фронте в составе 1232-го стрелкового полка и в составе 37-й стрелковой дивизии на 2-м Прибалтийском фронте. Дважды был ранен. С 1944 года служил в Польше и Западной Украине в дивизии МВД (затем МГБ). За боевые действия награжден орденом Отечественной войны I степени, медалями «За отвагу», «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.»; юбилейными медалями: 20 лет, 30 лет, 40 лет, 50 лет Победы.

В 1996 г. Н. А. Дикович награжден медалью Жукова, а 14 апреля 2005 г. ему вручена медаль «60 лет Победы над фашистской Германией».

Это его краткая биография военных лет, мой же рассказ о его жизни и деятельности в мирное время.

Жизнь Николая Александровича почти вся связана с комбинатом и г.Северском. Работать на СХК он начал "в 1953 г., когда здесь еще ничего не было кроме тайги да нескольких домов. Направили его в цех 60 электромонтером и назначили бригадиром по ремонту высоковольтного оборудования подстанций 110 кв, а затем бригадиром монтажно-заготовительной бригады эл. монтажного участка. Очень скоро его бригада стала одной из лучших в цехе, и ей было присвоено звание бригады коммунистического труда, а Николай Александрович в 1956 г. был награжден медалью «За трудовую доблесть». Н. А. Диковичу присуще творческое отношение к порученному делу. Он становится активным рационализатором, много его ценных предложений внедрено в производство. Обучает молодых рабочих, делясь с ними знаниями и опытом. В 1961 г. ему присваивается звание ударника коммунистического труда, он отмечается в приказах администрацией цеха и комбината.

В 1962 г. за трудовые успехи, большой вклад в совершенствование производства Николай Александрович Дикович награждается высокой правительственной наградой - орденом Ленина.

В разные годы за высокие показатели он награждался знаком «Отличник соц. соревнования РСФСР» и знаками «Победитель соц. соревнования» (1975, 1978, 1979 гг.). Ему присваивается звание ударника 11-й пятилетки, а его бригаде - звание бригады 60-летия Октября и бригады высокой эффективности и качества.

Его фотография заносилась на городскую Доску почета.

Также Н. А. Дикович награжден медалью «Ветеран труда» и знаком «Ветеран атомной энергетики и промышленности».

Я хочу рассказать о Николае Александровиче Диковиче, проработавшем на СХК 35 лет, участнике войны, ветеране, скромном и хорошем человеке.

Николай Александрович вел и общественно-политическую работу, избирался депутатом 6-го созыва горисполкома.

Николай Александрович хороший семьянин. Со своей верной подругой Ольгой Михайловной воспитал двоих детей, сына и дочь. Пока было здоровье, и были помоложе - огородничали.

Вот такой он, Николай Александрович Дикович, ветеран войны и труда. Очень скромный, особо не разговорится, стесняется, как бы говоря: ну что я такого особенного сделал.

И это далеко не все, что можно было бы о нем поведать. Он всегда в первых рядах, как на фронте, так и в труде.

Когда разговариваешь с ветеранами, понимаешь, что даже спустя 60 лет они каждой своей клеточкой ощущают дыхание прошедшей войны.

Фронтовой поэт Николай Доризо очень точно выразил эти качества в таких стихах:

Какие б песни мы не пели,
Поем мы песни той поры.
Давно мы сняли с плеч шинели,
Но все нам снятся дни войны.

Иванова Ш. М.

//Новое время.- 2005.- 28 апр.

ЗЕЛЕНОВ МАРК ПЕТРОВИЧ

Зеленов Марк Петрович. 1918 г. Призван в армию в 1940 году. Службу проходил в 338-м гвардейском истребительно-противотанковом полку. Войну встретил 22.06.1941 г. на берегах Буга в районе Ровно, Дубно. Участвовал в обороне Киева, Сталинграда, в боях по освобождению Домбасса, Прибалтийских республик. В боях в Восточной Пруссии, в штурме крепостей Кенигсберг и Пилау. Войну начал рядовым разведчиком. В ходе Сталинградской битвы стал офицером, начальником разведки полка. После демобилизации в 1946 году учился, работал директором РУ и на СХК. В 1963 году вновь призван в армию. В 1984 году в звании полковника вышел в отставку. Награжден орденами «Отечественной войны» I и II степени, «Красного Знамени», «Красной Звезды», «Октябрьской революции», «Знак почета» медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За оборону Сталинграда», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией». Почетный гражданин г. Северска. 35 лет возглавляет городской совет ветеранов.

Родился в семье горного мастера в глухом таежном краю за три дня до Покрова - об этом узнал из бабушкиных записок. Родители, заглянув в церковные святцы, нарекли Марком, о чем нареченный ни разу не пожалел. Имя православное, звучное, редкое, сочетаемое с такими известными фамилиями, как Твен. Шагал, Аврелий. Созвучное с Марксом и Марсом. Говорят, что произошло оно от греческого корня "молоток", а в гороскопах носитель этого имени характеризуется как трезвый, практичный и самостоятельный человек. И быть бы ему, наверное, горняком, если бы не война. Уже и попробовал себя на золотых приисках, и в топографический техникум поступил, специальность аэрофототопографа освоил, побывал в экспедициях, летал и с высоты фотографировал землю родную сибирскую, а также далекую якутскую и монгольскую. Но срок пришел - служить пошел. А тут и

непрощенный гость из Германии нагрянул. Марк не участвовал в боях лишь 42 дня из 1376-ти - время переезда на другие участки фронта. Журналисты часто просят его написать воспоминания о войне. Но не нашелся пока спонсор, готовый вложить в это деньги. К 50-летию Победы за его "Дороги войны" уже взялось было Ленинградское издательство, да потребовало 15 миллионов предоплаты. Но Марк Петрович до сего дня не теряет надежды увидеть свое рукописное детище напечатанным.

Речь его льется отнюдь не плавно, но когда рассказывает о солдатских буднях, о подвигах и сражениях, то создается впечатление, что это сценарий какого-то фильма. Очень уж ярко живописует, память отличная, истории необыкновенные. Дневников он не писал никогда, но хронологию фронтовую вел исправно. Лет пятнадцать провалялись эти записи на дачном участке. Пора, уж давно пора встать им в боевую шеренгу воспоминаний-мемуаров. А что? Писательский опыт уже есть, вон они, книги, изданные при его непосредственном участии. Мало сказать, при участии. Сколько писано-переписано, сколько перелопачено трудов: архивы, документы, переписка, фотографии, отзывы. У каждой из этих книг, как и у её героев, тоже своя судьба и своя история.

Чтобы понять человека, надо побывать в среде его обитания. В доме № 36 по улице Ленина из первых жильцов остался только Марк Петрович. Трехкомнатная квартира хранит дух 50-х годов. Люстра, купленная женой по счастливому случаю, ковры, популярные в те еще годы, мягкая мебель с обивкой в крупный цветок. И телевизоры, телевизоры, телевизоры. Их оказалось шесть, и ни одного нового, все - старой модификации, маленькие и большие, свои и отданные за ненадобностью детьми. Они скучают по углам и давно уже не радуют хозяина ни яркостью изображения, ни содержанием программ. С тех пор, как умерла Мария Петровна, он не смотрит ничего, кроме новостей и передач Познера. Особенно не жалуется увеселительные программы. Кот по имени Никак не отстаёт ни на шаг. Только что лежал на диване и вполуха слушал рассказы о войне и вот уже по-хозяйски взгромоздился на гору папок, в которых Марк Петрович хранит свои несметные бумажные сокровища. Папки эти растолстели и уже еле-еле вмещают бесценное для собирателя содержимое. Многие уже изданы в виде статей и книг, остальное терпеливо ждет своего часа.

Рабочий стол Марка Петровича - в постоянной боевой готовности принять и окунуть пишущего в мир его постоянных изысканий. Впечатление такое, что хозяин сидит здесь сутки напролет. Но, как оказалось, самое плодотворное и удобное время для работы - с пяти до восьми утра. Потом - дела общественные, а вечером все зависит от степени усталости. Зеленова не пугает обилие информации, которое он сам же многократно и умножает год за годом, месяц за месяцем, день за днем. То он работает над очередной книгой об СХК, то затевает переписку с бывшими директорами заводов, то сочиняет обращение к правительству, то слагает очередной текст выступления перед ветеранами или депутатами, то делится полезными

сведениями с однополчанами. Почтовый ящик никогда не пустует. Раньше, бывало, до двадцати писем в день приходило. Теперь меньше. Все чаще в ответных посланиях лишь несколько скорбных слов: "папа умер..." или "адресат выбыл...". Он пишет снова и просит сообщить, куда же выбыл бывший друг, а ныне адресат, отвечают также лаконично: "в мир иной...".

Первое издание книги "Ради мира на земле", авторами которой были Хандорин, Дубов и Зеленов, быстро разошлось по библиотекам, музеям и в качества подарочных вариантов. А спрос на книгу не утих. Да и время внесло уже свои коррективы. К портретам и характеристикам первых шести директоров комбината надо прибавить Ларина и Шидловского. Каждому - свое хотел было написать Марк Петрович еще в первом издании. Не получилось из-за прихоти или нежелания вышестоящих инстанций. Вот и имеем обезличенные характеристики. Словно не люди, а роботы-начальники. Но уж теперь-то Марк Петрович не намерен уступать. Готово и предисловие. Обращаясь к читателям, исполнительный редактор пишет, что это исторические очерки о комбинате, на заводах которого осуществлялись технологические процессы и операции по получению высокообогащенных урана-235 и плутония-239, изготовление из них деталей и сборка ядерных зарядов различных модификаций. Книга эта – своеобразный манифест мира и спокойствия на земле. И негласный протест войне, которая столько бед натворила, столько жизней загубила.

Тема войны и мира - и в творчестве его, и в судьбе. Нет, Зеленов - не Лев Толстой, хотя по масштабам работы и по количеству документов и свидетельств очевидцев, которые он бережно собирает, хранит и использует в публикациях, ничуть не уступил бы писателю-гению. И его не пугают эти горы бумаг, он намерен все довести до ума, систематизировать в лучшем виде и подарить своим землякам и однополчанам.

Двадцать девять с лишним лет Марк Петрович руководил отделом режима города и комбината. Вступил на эту должность еще не сняв гимнастерки. Говорит, что в то время они охраняли объекты не от шпионов, а от диверсий. Атомную промышленность изучал по английским книгам, переведенным на русский язык, потому что наши материалы были закрыты для публикаций. Изучал не для будущей писательской деятельности, о ней он тогда и думать не думал, «а чтобы лучше охранять». Ведь в армии его учили совсем другому – как взрывать мосты, как входить в связь с партизанами и как идти в разведку. Действительно, не всем по душе его дотошность и всеядность. Чего уж там, есть люди, желающие подрезать ему язычок. Ни на звание, ни на чины не смотрит председатель совета северских ветеранов, режет правду-матку без оглядки на "как бы чего не вышло". Ему, фронтовику, давно уже нечего бояться. Да он и в молодости таким же был. Старая гвардия принципов своих и убеждений не меняет. И не изменяет им ни при каких режимах и обстоятельствах. Что это за принципы? Вот они:

- В нас до сих пор не изжит дух раба. Не надо молчать, и так уже долго молчали.

- Отдых человека должен быть активным
- Коммунистов надо делить на две категории: истинные коммунисты, преданные России, и члены партии, которые получали свои билеты ради карьеры и должности.
- Любой человек должен думать о тех, кто его окружает.
- Человек выживает в любых условиях.
- Только трудности закаляют. Труд сделал из обезьяны человека, а сейчас власти делают из человека обезьяну.
- Патриотизм есть квасной и настоящий. Настоящий - это любовь к Родине, большой и малой.
- Нельзя жить так, как мы жили, и нельзя жить так, как мы живем.
- Иисус был первым марксистом. Сравните его заповеди с кодексом коммунистов - один к одному, только другими словами: не убий, помоги ближнему...
- С Богом какие у меня отношения? Я верю во всемирное тяготение, в физику, мирового пространства, в науку, в космический разум, который управляет нами. Христос был ученым и философом, земным человеком и отступником. За это его и распяли. Что касается воскрешения - это уже мифы. Человек в коричневом плаще и в берете на седых волосах, издали кажутся черными. Он идет не спеша по улицам города, о чем-то сильно призадумавшись, машинально здоровается со встречными, не сразу всех узнавая и не успевая переключиться от мыслей и планов дня. Надо побывать там-то и там-то. Каким его сегодня увидят люди? Энергичным или усталым? Разгневанным, слабым, сильным? Хитринки или гневинки будут сверкать в этих мудрых глазах? Только не слезы, такая слабость может случиться лишь в окружении близких людей, когда обожжет горечь семейных потерь и, как живая, встанет перед ним его Маша, роднее и дороже которой не было на свете человека...

*Калинина В.
//Диалог.- 2003.- 10 окт.*

ИГЛАКОВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ

Иглаковские мы

Вся жизнь моя связана с родным Иглаково. Родился, вырос, в армию ушел, сюда же и вернулся. И отец, и дед, и прадед - все коренные жители. В дом, где мы живем с моей хозяйкой Таисией Ивановной, наша семья переехала в 1937 году, а построен он был аж в 1918-м. Родоначальник деревни, казак Иглаков, из тех, что приехали Сибирь осваивать в давние времена. Причем ударение правильно ставится на последний слог, это сейчас для всех как-то уже более привычным стало его переименовать. И наша деревня, и

Попадейкино, и еще целый ряд сел названы по фамилиям старост, руководивших общинами. Родители мои были крестьяне, хлебопашцы, бедняки. Из 11 детей нашей семьи на службу в разное время призвали четверых братьев, трое попали на фронт, а один работал на военном заводе имени Чкалова, что находился в Новосибирске, строил самолеты. На момент моего призыва на двух родных братьев уже пришли похоронки, к счастью, потом выяснилось, что один из них жив, он был в плену, и произошла ошибка.

Вскоре после начала войны стали возвращаться инвалиды, а затем уж частыми «гостями» в домах стали как раз похоронки. Слышишь: где-то заголосили на деревне - значит, плохая весть. Рыдали всю ночь, а утром вставали и шли на работу, а куда было деваться? Кто тебя кормить будет, в каждом доме горе побывало. Со ста дворов ушло 140 мужиков, и почти каждый второй не вернулся. Нужно было пахать, сеять, покос убирать. В колхозе-то ничего не давали, все для фронта, все для победы. У крестьян наоборот - все только забирали. Частушка у нас была: «Колхозники-канареечки, проработали целый год без копеечки», так оно и было. Кормились только огородом, да коровка-кормилица выручала: и молоко с нее, и в лес за дровами на ней, и пахать на ней, сердешной. А сдать надо было и яйца, и молоко, и шерсть, если овечка имеется, забил скотину - отдай шкуру. И радости, и горести все приходилось делить, дружно жили. Утром просыпаешься и смотришь - у кого из трубы дым идет. Берешь какую-нибудь железяку под угли, чтоб печку растопить, и туда. Магазины нет, спички были не у всех.

Всю зиму 1943 года нас готовили под Бердском, а в 44-м я уже попал на фронт - Ковельский плацдарм в Волынской области на берегу Западного Буга. Служил в 69-й армии, пехота 41-й стрелковой дивизии, полк наш впоследствии был назван Бранденбургским. Вот на фронте голодать не приходилось ни разу. Даже когда переходили в наступление и кухня просто не успевала нас догнать, чтоб накормить горячим, выдавали хорошие сухие пайки на несколько дней. Часто питались и трофейными продуктами, у немцев была очень хорошая тушенка, а когда стояли на Одере в оборонных сооружениях, попробовали и вражеский хлеб, аж 1939 года выпуска. Тщательно упакованный в фольгу и пергамент, был он очень вкусен, хотя есть его приходилось ложками, после столь длительного хранения - рассыпался.

Вот тогда на плацдарме мы впервые и понюхали пороху, постепенно приучали нас к прифронтовой полосе, учили бросать настоящие гранаты, мы-то до этого видели только деревянные муляжи. Попал я в пехоту, сразу выдали мне ручной пулемет, а я его раньше и в глаза не видел. За сутки освоил. Так с этим ручным пулеметом Дегтярева я не расставался до самого ранения. О том, что убьют - не убьют, даже не задумывался. Это фронт, а на фронте всегда убивают. Если ты не будешь убивать - сам погибнешь, да и

страшиться сильно некогда было. Больше всего боялся плена, думал: все, что угодно, только не это.

Форсировав З.Буг, оказались мы в Польше. Хорошо, что не такая и широкая речка эта была. Кто на чем: у танков понтоны, у разведки - резиновые лодки, у саперов - шлюпки, а пехота - кто во что горазд - иди делай плоты или лодки. Недалеко от того места, где мы должны были перейти, саперы подорвали огромный дуб. Лег он поперек реки, этим-то и воспользовались. Автомат на шею - и по одному бегом на ту сторону. Перешли, вначале артиллерия сделала свое дело, потом танки пошли в ход, ну а дальше уже мы. Жарко было во всех смыслах, лето - жара, такая огромная масса людей двигается, что даже солнца от пыли не видать. И так от Буга до Вислы по полста километров в день, не разуваясь по пять суток, не говоря уж про помыться или постирать. Если какая-то передышка и речушка поблизости, постираешь трусы да майку и опять их на себя, так и сушили. Разуешься, а на землю наступить не можешь - кожа, как папиросная бумага, слезала с окровавленных ног. Какой день недели, какое число - никто даже понятия не имел, да и не интересовались. Жив и, слава Богу!

А потом также рано утром форсировали Вислу. Там нас фашисты хорошо «покупали». Наша рота снабжала полк боеприпасами, а с того берега забирала раненых. Два раза я в Висле на дне побывал. Мне каждый раз везло, выбирался, судьба ко мне благоволила. Я на реке вырос, и плавать умел, да и знал, как лучше пересечь реку на лодке. А кто не умел рулить, того далеко могло унести, или попадет на середину, а выгрести не может, а немец так и лупит. Фашисты по 8-10 раз в сутки ходили в атаку, только успевай отбивать да диски менять по 5-6 за день, 47 патронов в каждом, вот и считайте. Долго мы на Висле в обороне стояли, но так и не удалось фрицам нас спихнуть. Земли перелопатили немерено, строили траншеи по два метра глубиной, а ширина такая, чтоб носилки проходили, «землянка наша в три наката» - ни печки, ни освещения, сбегает кто-нибудь к «самоходчикам», те горючего нальют в котелок, посолишь, чтоб не вспыхнуло, гильзу туда от снаряда, фитилек сделаешь - так и жили. Утром выйдешь на воздух и отплеваться не можешь, весь в саже. Умудрялись еще и письма писать в таких условиях, мои домашние не обижались - писал регулярно. Дурак я был: вернувшись с фронта, сам их сжег, кто бы знал, что когда-нибудь они понадобятся для истории. Сестренки-девчонки берегли их, а я всю пачку взял да и в печку.

Шестнадцатого января 1945 года мы уже пошли в наступление. Сильно помогли в этом «Катюши», страшная штука, я вам скажу. Смотреть, конечно, красиво было, летели ракеты прямо над нами, светились. А вот куда они попадали - там смерть всему живому. На нашем направлении был дубовый лес, так ничего не осталось. Верхний слой земли выгорает полностью, по этому месту идешь, ноги жжет в сапогах. А трупы - это просто пепел, ветер дунул и развеял все без следа, хоронить некого, металл даже плавился. Вот так дошли до очередной водной преграды, Одера. Дальше была уже Германия.

Нашему полку достался оборонительный рубеж на старой немецко-польской границе. Танки обошли со всех сторон, а мы остались разбираться с дотами. Что такое - и представления даже не имели: доты да доты, а теперь я лекции могу по ним читать. Сооружения были удивительные. Тридцать дотов, соединенных между собой так называемыми ходами-сообщениями протяженностью 6 километров. А хода, это настоящее метро, из дота в дот «Кукушки» ходили по железной дороге на глубине 35 метров, это как пятиэтажный дом под землей. А перед самими дотами противотанковые рвы с водой и заминированная колючая проволока.

Первая наша рота, пошедшая в лобовую атаку, легла полностью. Немцы там просто жили, продуктовый запас был сделан трехгодичный, своя электростанция. Пушка 45-миллиметровка бронебойным снарядом не могла пробить дверь. Все настолько герметично, что ни вода, ни газ были не страшны. Долго нам пришлось провозиться с этими дотами, да и не взяли бы, честно говоря, никогда, если б немцы сами не сдались. Мы их в середку согнали, бежать им некуда, полное окружение, наши уже во Франкфурте.

Еще когда загоняли их, не зная ни строения укрепления, ни того, что доты сообщаются, стреляю вниз по винтовой лестнице, а люди стоят, гранаты кидаем, а они все равно стоят, белые, как мел. Что, думаем, за чудо? А уж когда спустились вниз, поняли - хранились внизу награбленные в ходе войны различные статуи, увезенные в Германию. Здесь-то им никакая бомбежка не была страшна. Раненые пленные потом уж нам рассказали, что за доты и с чем их едят. В плен сдалось 1200 солдат и офицеров, только нашему взводу (21 военнослужащий) досталось 320 человек. Оружия были горы. В плен сдавались они, основательно подготовившись, рюкзаки набиты были полностью едой и теплыми вещами, одеялами - готовились к Сибири. Сдали мы эти сооружения с рук на руки идущим после нас войскам и сами отправились через Одер.

На второй день меня ранило, получил множественные осколочные ранения ноги, попав под беглый минометный огонь. На этом моя война, можно сказать, была закончена. Старшина по этому поводу сказал: «Повезло тебе, пацан!», я во взводе был самый молодой. Но в Берлине я все-таки побывал. В госпитале появились агитаторы, призывающие помочь в штурме столицы Германии. Доехали мы до места только 6 мая, когда война уже, по сути, была свернута. Видел и рейхстаг со знаменем Победы, и Бранденбургские ворота, казармы Геринга, провезли по площади, где Гитлер парады принимал, жуткое место - дома вокруг высокие из серого камня.

Из тех людей, с кем я был знаком и шел от Вислы, в живых на тот момент осталось 5-6 человек, остальные все были из вновь прибывшего пополнения. Мы находились в западной части города, и после капитуляции советские войска были выведены в восточную часть, а наше место заняли союзники. Правда, перед выходом наши части вывезли все, что только можно было. До последнего станка и винтика со всех заводов. Долечился я после

этого в госпитале, раны-то были еще все открытые, и демобилизовался только в 1950 году, отпускали домой по возрастам, не всех сразу.

Ценой многих человеческих жизней заплатила за Победу моя родная деревенька Иглаково. Она, как маленький город-герой, отдала своих сыновей. Пусть земля будет пухом и вечная память нашим погибшим односельчанам. В пятницу, 6 мая, в 11 часов, на митинге возле памятника всем погибшим иглаковцам всех их мы перечислим поименно.

Матвеева Н.

//Новое время.- 2005.- 5 мая.

КАРВАН ВЕРА ЭДУАРДОВНА

В раннем детстве, родившись в Сибири, она знала только родной язык. Знала доброту и крепость родственных связей, не мешающих сердечно относиться к другим нуждающимся в заботе.

И еще штрих биографии из подросткового прошлого эстонской сибирячки: в колхозе на лето решили организовать детскую площадку для малышей, и работать на ней председатель доверил Вере. Серьезная и ответственная — справится! Как в книгу судеб заглянул председатель, давая возможность получить первый опыт профессионального навыка будущему специалисту системы детских дошкольных учреждений.

И когда после окончания школы пришло время профессионального определения, после некоторых, свойственных юности, метаний, всей душой отдалась учебе в библиотечном техникуме и, конечно, на детском отделении. Выпускной вечер в техникуме был назначен на 30 июня. Год — 1941-й... Вместо радости от счастливых ожиданий - тревога, уже не только за себя и свою семью. С тяжелым сердцем отправлялась по направлению в город Осинники Кемеровской области. Двигались в сторону вокзала Томск-II по Воскресенской горе, а навстречу люди бегут, кричат! Оглянулись: на берегу Ушайки столбом огня и дыма горел цирк, как знамение близкого военного будущего, её будущего. Была весна 1942 года, был первый призыв девушек-комсомолок, двадцать человек — из Осинников. Вера и ее подруга Мария добились, чтобы оказаться в их числе. Им было за кого мстить, война успела пройти трагедией по их личным девичьим судьбам. И вообще — считали они, к осени все закончится победой, надо успеть!

«Женщина на войне — это чудовищное событие!» — заявляет сегодня Вера Эдуардовна. Она знает, что говорит. Более 300 тысяч девушек участвовали в войсках противовоздушной обороны, задачей которой было охранять узловые железнодорожные станции и переправы через мосты, через которые шли на фронт эшелоны с живой силой, военной техникой, боеприпасами и продовольствием. Эшелон, где находилось обмундирование

для новоприбывших, бы разбит, воевать Вера начала в платьице и туфельках, только при пилотке... Её должность была - дальномерщица. Налетали вражеские самолеты и начинали бомбежку. Требовалось через дальномер определить высоту и дальность полета, а уже затем раздавалась команда: «Огонь!» Огонь сверху и снизу, грохот, дым...- и надо не растеряться, все точно просчитать и уцелеть. «Как удалось уцелеть? повторяет вопрос Вера Эдуардовна. А я маленькая ростом!» Смеётся. Тогда было не до смеха. За сутки совершались десятки налетов, пушки накалялись докрасна, их охлаждали водой. В сентябре, когда по разумению девушек - добровольцев война должна закончиться, советские войска все еще отступали. Тогда был обнародован приказ Сталина: «Ни шагу назад!»- Для поддержания боевого духа на фронт привозили фильм «Петр I», привезли его и под станцию Валуйки, где находился 376-й полк. После ужина от березы до березы натянули белую простыню, зрители расселись на земле, и гут же тревога и налет. Отстрелялись и вернулись в «кино», через 1 5 минут - тревога, снова косяк самолетов... Таким образом смотрели фильм до 8 часов утра, никто не спал. «Я знаю, что такое война», эти слова Веры Эдуардовны подкрепляются ее рассказами об эпизодах, оценка которых из ее уст порой поражает. Она пережила одни из самых критических моментов ее боевой биографии – переправу Керченского пролива в феврале 1944 года, когда на Крымском полуострове войсками Отдельной Приморской армии был захвачен плацдарм в районе города Керчь. Прибыл туда и 376-й полк, бывший в составе 381 -го зенитного артиллерийского дивизиона. К тому времени в его составе почти на 70 процентов были девушки, которым предстояло спешно разгрузить с платформы эшелона тяжеловесные пушки и оборудование... Затем — марш на 120 километров до пролива, в том числе через реку Кубань по понтонному мосту. Пролив шириной до пяти километров простреливался дальнобойной немецкой артиллерией. К вечеру вся техника была сосредоточена у причала, в полночь — массированный немецкий налет, в результате которого тринадцать человек погибло, в том числе две девушки. На рассвете их похоронили, утром подошли паромы. Под густой дымовой завесой груженные техникой и людьми паромы начинают переправу... Немцы бьют по обстрелянным площадям, дым им не помеха. Возникает на бреющем полете истребитель «Мессершмитт», за ним бомбардировщик. Девушки, сидевшие на стволах пушек, пытались шмыгнуть под лафеты, места оказались заняты, поэтому Вере довелось воочию видеть всю фантазмагорическую картину происходящего. Фонтаны воды поднимались в двухэтажный дом высотой, паром мотало, как яичную скорлупу, был, казалось, конец света. В голове была только молитва, вспомнившаяся не в первый раз, но на этот раз, думалось, в последний. Описывая свое состояние, рассказчица употребляет удивительную фразу: «Было страшно... но как было красиво!» Невольно вспоминается великое полотно «Последний день Помпеи» Брюллова... и понимаешь Веру Эдуардовну. С той лишь разницей, что нас там не было — она была!

Война для нее закончилась в Венгрии. Домой возвращалась через Москву, дав телеграмму, чтобы родные ждали.

В энциклопедии «Лучшие люди России» (вып. 6, 2004) таковыми названы северчане: Николай Иванович Кузьменко, Георгий Кириллович Жерлов, Марк Петрович Зеленов, Четвертой – Вера Эдуардовна Карван, маленькая женщина с большой биографией.

Кочеткова О.

// Излучение памяти. Северск: годы и люди.

Книга очерков.- Томск, 2009. – С. 18-25.

КАПОРОВ ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ

Владимир Николаевич был призван в армию 10 августа 1941 года. Служил в различных воинских частях. Летом 1942 года окончил полковую школу, назначен командиром отделения. В сентябре 1942-го года направлен на учебу в 1-е Горьковское танковое училище, по окончании которого в звании младшего лейтенанта назначен командиром танка Т-34.

12 ноября 1943 года прибыл на 3-й Украинский фронт. В боях под Кривым Рогом, в дуэли с немецким "тигром" 21 ноября 1943 года был тяжело ранен. После госпиталя в феврале 1944 года вернулся в свою часть. В июне 1944 года по состоянию здоровья из - за ранения переведен в отдельный учебный полк бронетанковой техники и механизированных войск Минобороны (г. Москва). С августа 1944г. по 1976-й проходил службу в подразделениях МВД, с 1944 г. по 1949-й служил уполномоченным в лагерях для немецких военнопленных, с мая 1949 г. - на строительстве СХК и города Северска. С 1976 года Владимир Николаевич до выхода на пенсию работал в УАТе "Химстроя". В 1986 году ему присвоено звание "Почетный гражданин" с. Менжинка Днепропетровской области, награжден орденом Отечественной войны II степени, медалями "За боевые заслуги", медалями "За безупречную службу" I и II степеней, юбилейными медалями.

//Диалог.- 2008.- 8 мая.

ЛЫКОВ АНДРЕЙ МИХАЙЛОВИЧ

Родился в 1918 г. в Курской области. Участник Великой Отечественной войны. В Северске - с 1965г. 25 лет проработал начальником отдела детских дошкольных учреждений при Сибирском химическом комбинате. За годы его руководства в городе открылось 23 новых сада. Награжден орденом Ленина, орденом Красной Звезды, орденом Красного Знамени, имеет другие награды.

Звание «Почетный гражданин города Северска» присвоено решением сессии Собрания народных представителей № 24/4 от 15 сентября 1998 г.

Призван в армию в 1941 году из Владивостока. Воевал в составе 211-й, 81-й стрелковых дивизий. Участвовал в боевых действиях Брянского, Центрального, 1-го Украинского фронтов. Сражался на Курской дуге, форсировал Днепр, Вислу, был трижды ранен. Орден «Ленина», орден «Отечественной войны» I степени, орден «Красного Знамени», медали «За отвагу», «За победу над Германией». С 1945 года работал в Томском горвоенкомате. С 1965 года до пенсии в Северске - руководил отделом дошкольных детских учреждений. Трудовая деятельность отмечена медалью «За трудовую доблесть». Майор в запасе.

//Книга памяти: они защищали Родину, жили и работали в нашем городе.- Северск, 2005. – С. 173.

МАЛИНОВСКИЙ ВАСИЛИЙ АНДРЕЕВИЧ

Крепкая порода

«Мать моя умерла в 92 года,- рассказывает инвалид Великой Отечественной войны с маршальской фамилией, но лейтенантской судьбой Василий Андреевич Малиновский. - могла бы, наверное, и сотню разменять, да вот беда – корова ей на ногу наступила. Перелом стопы, заражение крови... Какая тогда медицина была в селе? А сердце у нее было как у молодой, нам сказали».

И сестра у него - долгожительница, да и самому фронтовику 88 годков стукнуло. Родственники покойные пока не снятся, к себе не зовут (примета скорой смерти), значит, время еще есть. Такая у них, Малиновских, крепкая порода. И не только крепкая, а еще и на редкость везучая. Помнится, фильм документальный показывали про мать-героиню, у которой все сыновья на фронте погибли. Все девять. Из семьи Малиновских пятеро старших сыновей на фронт ушли. И все домой вернулись, хотя без ранений не обошлось ни у кого.

Надо сказать, что и глава большой семьи Малиновских - человек везучий. Будучи убежденным антисталинистом, он критического отношения к вождю народов в семье не скрывал, и, бывало, в сердцах говаривал: «Скажи Сталин, что дерьмо - вкуснятина, и все станут повторять, что в жизни ничего вкуснее не едали». И это в 30-х годах, когда и за меньшую крамолу могли

законопатить туда, куда Макар телят не гонял. Лет на десять и без права переписки. Зная нравы того времени, когда донести на ближнего считалось доблестью, удивительно, что никто из девяти детей старшего Малиновского не проболтался друзьям на улице. И это в деревне, где на одном конце улицы чихнешь, а на другом «будь здоров» кричат.

«Никаких иллюзий насчет Сталина я тогда уже не питал, - продолжает Василий Андреевич. - Помню, арестовали учителя, знаменитого на всю область врача, из деревни взяли трех человек. Обвинили их в шпионаже в пользу какой-то разведки и расстреляли. Но мы-то знали, что это все ложь и что эти люди ни в чем не виноваты. Так что я - ярый, можно сказать, антисталинист и антикоммунист».

Закончив школу села Новокусково (Асиновский район), Василий Малиновский поступил в Томское педагогическое училище, которое закончил перед самой войной. Это ведь только в советских фильмах профессии доярок, пастухов и трактористов были овеяны романтикой трудовых будней. В жизни все было в точности до наоборот. По сути, советская власть узаконила в деревне настоящее крепостное право. Никто из селян без разрешения председателя не имел права покинуть деревню и переехать куда-либо. Все родители старались правдами и неправдами пристроить ребятшек в городе или хотя бы на чистой работе в селе.

Василий Андреевич вспоминает, что однажды удалось устроить настоящий массовый побег селян из колхоза в город. Устроила «побег» сердобольная жена председателя колхоза, которая выкрала у пьяного супруга колхозную печать и наштамповала липовые справки - «вольные», которые давали право устроиться на работу в городе.

Аттестат педучилища, дающий право Василию Малиновскому работать учителем начальной школы, был выписан молодому педагогу за два дня до начала войны, но получил он его... в августе 1945-го.

Случилось так, что в начале июня 41-го, когда о войне еще и разговоров не было, в общежитие педучилища пришел офицер Томского артиллерийского училища.

«И чего вы, такие brave парни, будете в школе с сопляками нервы мотать? - искушал будущих педагогов артиллерист. - Давайте к нам, в училище. Артиллерия - бог войны!»

«Надо признать, изодраться в красноречии ему долго не пришлось, - говорит Василий Андреевич. - В школу, по правде сказать, меня не очень-то и тянуло. Отец посоветовал, вот и пошел. В артиллерию, впрочем, тоже не манило. Но профессия военного тогда была в почете, не то, что сейчас. Это, видимо, и перевесило. В общем, 13 человек вместе со мной подали заявления в артучилище. Написали диктант, решили какую-то задачку, нас и зачислили».

В тяжелых боях с немцами Красная армия несла большие потери, особенно в командирах младшего и среднего звена. Командир взвода в 1941 году жил одну-две атаки, после чего на его родину шла похоронка.

Артиллерийские младшие офицеры жили не намного больше, а в противотанковой артиллерии даже и меньше. Фронту постоянно требовались обученные командные кадры, поэтому офицеров училища «пекли», как булочки, по ускоренной программе. Из Василия Малиновского офицера сделали за полгода, после чего послали на Западный фронт, под Смоленск. Там его назначили командиром взвода управления 152-миллиметровой гаубичной батареи.

На слух гражданского человека, не искушенного в военной специфике, должность «командир взвода управления» звучит не особенно воинственно. Ну, наверное, какие-то бумажки пишет, приказы из глубокого и безопасного блиндажа раздает. В общем - крыса тыловая. А настоящий артиллерийский командир, по мнению дилетантов, насмотревшихся старой военной кинохроники, это тот геройский парень, который стоит возле пушки, машет рукой и громко кричит: «Огонь!».

На самом деле все с точностью до наоборот. Командир взвода управления в артиллерии во время боя находится на передовой, наблюдает за противником, выявляет его огневые точки, проводит сложные расчеты, передает координаты целей и дает команды начать огонь по телефону или по рации. Именно от него, от его умения, таланта, интуиции, зависит точность стрельбы батареи. Именно на командира взвода управления молились пехотные офицеры перед атакой. Если артиллерист все правильно рассчитал и точно накрыл огневые точки противника, то и потерь у наступающих будет меньше.

А тот лихой на вид парень, который стоит возле пушек и кричит «огонь» (командир огневого взвода), как правило, находится далеко от передовой в сравнительно безопасном месте и всего лишь повторяет цифры и команды, которые передает с передовой командир взвода управления - обычно самый грамотный и толковый молодой офицер батареи. Вот такую службу нес наш земляк лейтенант Василий Малиновский. Впрочем, в должности командира взвода управления повоювать ему пришлось недолго. Когда началось наступление, он был тяжело ранен осколком снаряда, долго лечился в госпитале и был признан ограниченно годным.

На фронте всему придавали значение. Когда смерть всегда ходит в двух шагах, поневоле станешь суеверным. Наверное, поэтому Василий Андреевич запомнил малозначительный эпизод из той жизни. Был у него во взводе боец. Ничем не выделялся - солдат как солдат. Стояли они тогда в обороне, боев не было, а потому потерь почти не несли. И вдруг солдатик этот как-то раз сказал, что ни с того ни с сего стали ему сниться умершие родственники. К чему бы это?

Через два дня во время короткого артобстрела его убило осколком снаряда.

После госпиталя «ограниченно годный» лейтенант Василий Малиновский был назначен командиром рабочего взвода и в боях уже не участвовал. До самой Победы, которую он встретил в Восточной Пруссии,

Василий Андреевич был скромным тружеником войны. После войны он учительствовал, работал в исправительно-трудовой колонии и более 30 лет отдал Сибхимкомбинату. Очень большой вклад Василий Малиновский внес в дело патриотического воспитания молодежи. В школах Северска его рассказы о войне, наверное, помнят до сих пор. Недавно ему исполнилось 88 лет, но ветеран бодр и намерен продолжить долгожительские традиции рода Малиновских. Крепкая порода...

*Дерябин В.
//Диалог.- 2010.- 22 янв.*

НИКИТИН ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ

Забывать такое нельзя

Бывший житель деревни Лопатино Воронежской области, ныне северчанин Василий Михайлович Никитин хранит в памяти все подробности тех страшных военных лет и нескольких месяцев жизни на «передовой» и «под немцами».

Еще с конца 30-х годов было очевидно, что в воздухе пахнет порохом. Враг приближался к нашим границам. Страшное известие вестовой привез уже под вечер 22 июня. В течение следующей недели мужиков в деревне практически не осталось.

- Василий, портниху какую -нибудь знаешь? Дуй к ней, вот тебе красный материал, пусть нашьет мешков. Немцы близко, будем эвакуироваться, надо архив упаковать, - говорил рублеными фразами председатель сельсовета.

- Знаю, есть тут одна тетка, я мигом, - бросил уже на бегу пятнадцатилетний подросток.

Появление в небе немецких самолетов в последние недели стало делом привычным, и даже когда от них стало что-то отделяться, Ваську это не смутило ничуть. Листовки, наверно, подумал он, продолжая свой путь по председателю заданию. Когда же раздался уже хорошо знакомый свист, ноги сами понесли его в ближайший овраг. Быстрее схорониться! Взрывы бомб, крики людей, рев перепуганных животных - все смешалось в общий гул, раздававшийся со стороны тракта, где еще несколько минут назад двигалась колонна беженцев. Вернувшись к конторе, Василий закинул кусок ткани (надобности в нем уже не было) в выбитое ударной волной окно и припустил в сторону дома. Спустя пару часов в деревню Лопатино Скляевского сельского Березовского района, что в Воронежской области, уже входили немцы. Вместо эвакуации 7 июля 1942 года население ждала оккупация.

В тот злополучный июльский день немецкая техника всех видов и мастей заполонила единственную улицу за считанные минуты. Восемьдесят

домов очень быстро сменили хозяев. Никитины - мать, две сестренки да единственный мужчина в семье Василий - стали «новоселами» в собственном погребе. «Обижать немцы нас не обижали, в том смысле, что не били, не убивали, - вспоминает Василий Михайлович. - Предложили нам сразу в качестве старосты оставить нашего председателя колхоза и самим выбрать бригадиров. Правда, помню такой случай. Девчата наши местные пошли к ручью белье полоскать, а тут изо ржи выходят двое мужиков и спрашивают: как, мол, до такой-то деревни добраться? Девчонки перепугались, все побросали, и бегом по домам. О том, что возле деревни видели чужих, вскоре стало известно немцам. Они прочесали окрестности, нашли этих мужчин, подвели к краю воронки от бомбы и расстреляли. Я в это время был в поле, метрах в двухстах от них, окучивал картошку. Видел все это как на ладони, естественно, перепугался. Стою, прижался к лошаденке - ну, думаю, сейчас и меня, как свидетеля...

Но как-то обошлось. Говорили, что вроде пробирались эти люди к партизанам. Потом, когда уже нас освободили, кто-то рассказал начальству об этом происшествии, нашего председателя, а на тот момент старосту, забрали, и больше мы его не видели. Помню, еще вышел я однажды из дома, то есть из погреба, а во дворе сидят двое немцев за столом, один из них вытащил пистолет и стал за мной водить, и смешно ему так, как я пятиться начал. Ну, а второй, тоже ухмыляясь, опустил его руку. Зверствовать они, конечно, не зверствовали, но все и так безропотно выполняли их указания.

Лопатино стало последней деревней, занятой немцами в северном направлении. Далее шли передовые линии. Подошло время уборочной, незваные гости, планировавшие стать хозяевами, заставляли местное население работать на полях под очень частыми обстрелами. Однажды августовским вечером всем было объявлено, что на завтра назначен «общий сбор». Что, куда и зачем, разумеется, никто не знал, поэтому брали с собой все, что могли унести, и уводили чудом уцелевшую скотину. Около трех суток людей гнали под конвоем, спали там, где ночь застанет. Перевалочным пунктом оказалась станция Курбатово, здесь огромную массу народа загнали за колючую проволоку, около недели провели узники под открытым небом и недремлющей охраной. Потом обитателей пересылочного лагеря погрузили в «телятник» и повезли по «железке» в Курскую область. Часть народа отделили и повезли по бывшим сельсоветам, несколько семей со своим нехитрым скарбом оказались в селе Нина. Немцы приняли решение оставить местных в своем тылу - кто-то же должен был на них работать. В самом селе военных не было, вся власть была сосредоточена в руках местного старосты и полицая. Два килограмма муки на человека в месяц - вот и вся плата за работу, так сказать, для поддержки штанов. «Вместе с нами в этом селе осталась сестра матери с детьми, - продолжает свой рассказ Василий Михайлович. - Мы нашли пустую сторожку и попросили у старосты разрешения переселиться туда, раньше мы были навряде постояльцев. Хозяйка того дома, где жили наши родственники, вызвалась сложить нам

печку, мы натаскали дров из леса, это километра два от дома. Собирали по полям колоски, остатки кукурузы, жили потихоньку. А тут в конце января пошли слухи, что НАШИ разгромили НЕМЦА под Сталинградом, вскоре и подтверждение этому нашлось. Стали отступать немецкие и венгерские войска, не заходя в деревню. К нам заходили лишь отдельные группы разведки. Было очевидно, что советские войска наступают. И вот в один из вечеров староста и полицей вместе со старостой другой деревни, бывшим кулаком, накануне своего отъезда устроили попойку и решили расправиться с колхозными активистами и семьями коммунистов. Из семьи председателя живой осталась только одна старуха мать, спрятавшаяся в сених. Не пожалели даже детей и подростков. К женщине, которая делала нам печь, за несколько месяцев до этого прибудился какой-то бывший военнопленный. Вот эта пьяная компания нагрянула к ней, мужчину сразу же убили, а женщине каким-то образом удалось вырваться. В одной сорочке, в калошах на босу ногу она прибежала к нам, тут же раздался шум на улице, ввалились к нам эти мужики, схватили мою мать и потащили к выходу. Староста успел только крикнуть, что это не она, это ее и спасло. И братишку двоюродного, а он рослый был парень, приняли было за партизана, но тоже местный староста вступился. А женщину убили прямо на нашем крыльце. Уже под утро перед недостроенной конюшней выросла гора трупов - результат ночной расправы. Сами эти убийцы уехали, правда, не далеко - наши войска наступали быстро, и в разное время все из этой троицы были задержаны».

Вскоре семья Никитиных стала собираться домой. Добирались, как говорится, всеми правдами-неправдами, и пешком, и на поезде, то вперед как говорит сам Василий Михайлович, то назад. То справа выстрел, то слева взрыв. «Дома» дома не оказалось. Из всей деревни уцелела лишь одна хата да телятник, причем крытые соломой. Все остальные постройки были сожжены дотла. Народ, возвращаясь, начал потихоньку обживатьсь, Никитины под жильё постепенно приспособили кладовку, строительный материал брали, разбирая оставшиеся землянки.

По прошествии некоторого времени пришла пора идти служить и Василию. Начался другой, не менее серьезный и насыщенный период жизни. Будущему солдату в дорогу мать смогла лишь засушить с полкилограмма сахарной свеклы. Попал он не в действующую армию, а в войска МВД, после трехмесячной подготовки вместе с товарищами был отправлен в город Рошаль Московской области охранять пороховой завод. После войны выпускников уже сержантской школы милиции отправили в Тулу для борьбы с бандитизмом. Далее последовало Казанское военно-политическое училище, готовившее политработников для пограничных войска, потом конвойных, а когда появились строительные войска - для них тоже. Василий Никитин попал как раз в последние, служил в Красноярске-26, а в январе 1967 года был направлен в Томск-7. Демобилизовавшись в 1978 году, несколько месяцев руководил «Союзпечатью» в городе, а потом вновь вернулся на политическую работу в часть. В настоящее время Василий Михайлович на

пенсии, но, имея столь активную жизненную позицию, не остается в стороне от общественной работы, состоит в городском Совете ветеранов.

Отголоски войны настигли Василия Никитина в Красноярске. «Пришел какой-то следователь, - заканчивает нашу беседу Василий Михайлович, - и стал расспрашивать про ту страшную ночь, когда были убиты многие жители деревни. Попросил меня опознать по фотографии старосту из другой деревни, а снимок маленький, человек на нем заросший. Как я мог его опознать, видел-то мельком, и сколько лет уж прошло? Предложили мне и матери съездить туда, чтоб уж точно сказать, он это или нет, но я отказался.

И мама уже болела, да и беречь старые раны не хотелось, оказаться снова в том страшном месте. Уж слишком страшные воспоминания, и забыть такое нельзя.

Матвеева Н.

//Новое время.- 2005.- №13.-С. 13.

ПЕТРОВ ВИТАЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Уроки выживания Виталия Петрова, разведчика и человека

Мелодичный звон больших старинных часов не заглушают слова моего собеседника. Уже в который раз Виталий Александрович говорит: «У меня за спиной ангел-хранитель всю жизнь стоял. Он меня берег и от пули, и от злых людей!»

Когда закончилась Великая Отечественная война, начальнику разведки дивизиона лейтенанту Петрову было всего 20 лет. И ему только что дали отпуск на Родину. Такова была награда разведчику за хорошо выполненную работу в канун штурма высот у реки Одер. В сотрудничестве с пехотной разведкой Петров выявил все огневые точки противника, нанес их на боевую карту и оперативно передал в штаб полка. Перед генеральным наступлением советская артиллерия расстреляла из сорока орудий все до одной батареи противника, который не успел сделать ни одного выстрела в сторону наших войск. При подведении итогов наступления командование отметило особую точность работы разведки, что помогло советским войскам успешно провести наступление при форсировании Одера.

Артиллерию называют богом войны, а разведка - глаза и уши ее. Полученные разведанные могут остаться мертвым грузом, если оборвется связь между взаимодействующими родами войск. Мы знаем по военным кинофильмам, как под плотным огнем, рискуя жизнью, бойцы пытались восстановить оборванную линию связи. Виталий Александрович с гордостью рассказывает, что за все время службы в разведке у него не было случая, чтобы прервалась связь наблюдательного пункта с командной точкой. А все

потому, что еще во 2-м Томском артиллерийском училище курсантам очень серьезно преподавали тактику ближнего и дальнего боя. Год теоретической подготовки, общение с побывавшими на фронте товарищами и собственная наблюдательность помогли лейтенанту не только выживать в конкретной боевой ситуации, но обеспечить безопасность товарищей по оружию. Поэтому непосредственно перед боем, одновременно с наблюдением за противником, разведчики под началом Петрова протягивали до семи параллельных линий связи, через каждые 25 метров. Такая трудоемкая работа давала возможность обеспечивать связь наблюдательного пункта, выдвинутого за линию фронта, с командиром батареи. При обрыве рабочей нити разведчики переходили на запасную, что позволяло сохранять живую связь даже при самом плотном огне, не рискуя ни жизнью людей, ни данными оперативной разведки.

- За все время службы начальником разведки дивизиона я не похоронил ни одного своего солдата, - говорит Виталий Александрович. - Лишь одного при мне ранило: он прикрыл меня при артобстреле.

И опять трудно сказать, чему военный разведчик больше обязан. Может, действительно ангел-хранитель стоял за спиной, предупреждая об опасности? С особым теплом вспоминает Виталий Александрович командира дивизиона артиллерийского полка майора Петра Скибитского, в лице которого получили молодые офицеры хорошего боевого наставника. Майор разведки преподавал им наглядные уроки выживания в экстремальных условиях, научил их уважительно относиться к солдатам, беречь жизнь рядового как свою собственную. Он говорил:

- Чем надежнее связь, тем целее солдат в бою. А успех разведчика зависит от его внимания, кругозора и опять же от отличной связи с огневыми позициями дивизиона.

...Военную службу наш земляк проходил в разведке 10-го гаубичного полка 3-й Варшавской ордена Кутузова бригады 1-й Армии Войска Польского. Так распорядилось советское командование судьбой выпускника 2-го Томского артиллерийского училища, у которого были обнаружены отличные способности к изучению иностранных языков, хорошая память и особая наблюдательность. Курсант Петров свободно ориентировался в разговорном немецком (спасибо школьной преподавательнице немецкого языка Амалии Ивановне), освоил основы английского языка, а на польском говорил с особым варшавским акцентом. Да так, что поляки держали его за своего.

После взятия Берлина Варшавская бригада была направлена в Перемышль Краковского военного округа. Вскоре Петрова вызвали в штаб округа и предложили принять польское гражданство: немногие из командования знали о его русском происхождении. У разведчика вместо документов была лишь учетная карточка, в которой указано, что он якобы уроженец Варшавы. Однако Виталий Александрович твердо заявил о своем желании вернуться в ряды Красной Армии, о чем тут же написал рапорт. При

оформлении документов в польском посольстве Петрову выдали, наконец, настоящие документы и награды Польской Армии. Тогда-то Виталий Александрович узнал, что награжден польскими орденами «Крест храбрых», «За отличие на поле битвы». Польскими же медалями «За освобождение Варшавы», «За освобождение Ниссы, Одера и Балтики», «За свободу и вольность», знаком Грюнвальда. Польские награды присоединились к советским: ордену Отечественной войны второй степени, медалям «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу в Великой Отечественной войне». И если учесть, что на фронт наш земляк попал в марте 1944 года, - совсем неплохо для солдата. Правда, сам бывший начальник разведки дивизиона говорит о том, что знал лишь о тех наградах, к которым представлял своих подчиненных за их боевые подвиги. О своих личных подвигах офицерам заявлять было не принято. Видимо, было их у Петрова немало, если так высоко оценили его боевые заслуги и советское командование, и польское. Впрочем, сказал мне Виталий Александрович, все разведчики - шалопаи: и к жизни, и к смерти относились одинаково несерьезно. Да только что-то не очень мне в эти его слова поверилось: в явном противоречии они с рассказами об уроках выживания майора Петра Скибитского - боевого учителя молодых офицеров. Может, чуть-чуть кокетничает бывший разведчик? Тем более, что и служба его на благо Родины не скоро еще закончилась. И называлась она по-разному.

После энергетического факультета Томского политехнического института, который Виталий Александрович закончил с отличием в 1959 году, выпускником заинтересовалось Управление Комитета государственной безопасности. Почти десять лет прослужил бывший разведчик Петров оперативным сотрудником УКГБ по Томской области. Ну, а северчане знают его как ветерана секретного 25-го объекта, где он работал энергетиком-прибористом до апреля 1985 года. К его боевым наградам прибавились трудовые: медали «За трудовое отличие», «За безупречную службу», «Ветеран труда», «Ветеран труда атомной промышленности», знаки и юбилейные медали.

Со свойственной ему педантичностью Петров по-своему подвел итог своей трудовой деятельности, выписав на отдельный листок поощрения из трудовой книжки. «Итого за 26 лет работы: грамот -16, благодарностей - 35, ценных подарков - 7 штук, денежных премий - 13. Выданные лично мною 87 рацпредложений оценены в 594 рубля 88 копеек». И где-то чуть в стороне от других осталась медаль маршала Жукова за 1996 год.

...И опять, в который уже раз, бой старинных часов напоминает о скоротечности жизни, в которую каждый из нас вмещает либо очень много дел и подвигов, либо пускает ее неверной пулей в небо, как «в молоко».

- На свою судьбу я пожаловаться не могу: жизнь у меня была интересной. Есть, есть у меня ангел-хранитель.

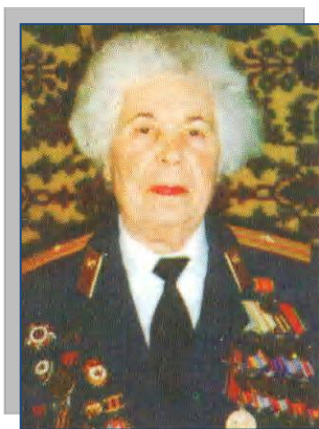
И Виталий Александрович начинает рассказ о своем мастеровом деде, захороненном у стен построенного им же Томского женского монастыря. О

своим жизнелюбивым отце, что обожал охоту, а в свободное время выходил бороться на цирковую арену. О своей мачехе, цирковой артистке, которая мечтала сделать из пасынка театрального деятеля. Однако это уже совсем другая история. Но почему-то мне кажется, что там-то в основании генеалогического древа Петровых, и были заложены для нашего героя первые уроки выживания.

*Ламанова Т.
//Новое время.- 2004.- 19 мая.*

ПИВОВАРОВА АЛЕКСАНДРА ПРОКОПЬЕВНА

50 дней и ночей

К боям на Курской дуге Верховное Главнокомандование проводило большую подготовительную работу. В нашей дивизии, в частности, происходило следующее:

После завершения окружения немцев в Сталинграде соединения Красной Армии продолжали вести бои и продвигаться вперед на запад. Соединения же, замкнувшие кольцо вокруг Сталинграда, остались для ведения боев с окруженными; частями немецкой армии. В их числе была и наша дивизия. После капитуляции немцев в Сталинграде мы оказались в тылу, так как за это время остальные части продвинулись далеко вперед. В боях за Сталинград наши части были изрядно потрепаны, и Верховное Командование решило дать отдых.

Наша дивизия расквартировалась в д. Карповка, которую недавно освободила от немцев. Здесь принимали и пополнение.

После некоторой передышки в Карповке 17 марта 1943 г. 66-я гвардейская стрелковая дивизия начала эшелонами по железной дороге передислоцироваться из Сталинградской области под г. Воронеж. На это ушло около месяца.

В пути время зря не теряли: во время движения поездов и особенно на продолжительных стоянках эшелонов проводились занятия, на которых детально анализировался опыт боев под Сталинградом. Политработники проводили политинформацию, нацеливая личный состав на ведение боев с врагом. Частям дивизии на митингах вручались гвардейские знамена, а личному составу – гвардейские значки.

19 апреля 1943 г. дивизия выгрузилась на станции Давыдовка и сосредоточилась в 60 км. Южнее Воронежа. Здесь продолжался прием пополнения. Было организовано ускоренное обучение новичков, так как большинство из прибывшего в дивизию пополнения в боях не участвовали.

9 мая 1943 г. поступил приказ выдвинуться в район западнее Старого Оскола, войти в состав 32-го стрелкового корпуса 5-й гвардейской армии. Совершив 380-километровый марш, все части и подразделения дивизии к утру 16 мая прибыли к месту назначения. Здесь на Курском выступе, создавался оборонительный рубеж, к оборудованию которого привлекалась и 5-я гвардейская армия. На участке Александровка-Русановка работа была поручена 66-й дивизии.

К началу июля 1943 г. немецко-фашистское командование сосредоточило на Курской дуге огромные силы и средства. 50 полнокровных дивизий, в том числе 16 танковых и моторизованных, насчитывавших 900 тысяч солдат и офицеров; до 10 тысяч орудий и минометов, около 2700 танков и штурмовых орудий, более 2 тысяч боевых самолетов. Сюда были переброшены все новые танки – «тигры», «пантеры», самолеты «Фокке-Вульф 190А» и «Хеншель-129».

Главная задача этой группировки состояла в том, чтобы одновременными ударами со стороны Орла и Белгорода разгромить советские войска на Курском выступе, вернуть стратегическую инициативу, утраченную под Сталинградом, и повернуть ход войны в свою пользу. Причем гитлеровское командование намеревалось добиться этого за 4-5 дней до подхода сюда крупных резервов советских войск.

С нашей стороны здесь действовали: Центральный фронт (Рокоссовский), Воронежский фронт (Ватутин) и образованный 10 июля 1943 г. Степной фронт (Конев), куда входила и 5-я гвардейская армия, а в ее составе и наша дивизия.

Немецко-фашистские войска перешли в наступление 5 июля 1943 г. Южная группировка врага под командованием фельдмаршала Манштейна наступала вдоль автомагистрали Обоянь. Но, встретив решительный отпор наших войск, фашистское командование решило перенести основные усилия в направлении на Прохоровку. Их соединения здесь в основном были оснащены танками.

В этом месте и произошло историческое танковое сражение, в котором принимала участие и наша дивизия. Утром 12 июля войскам нашей дивизии, взаимодействующей с 13-й гвардейской стрелковой дивизией, пришлось встретиться с противником. Бои с самого начала приняли встречный характер и велись преимущественно с фашистскими танками (большое количество танков было с обеих сторон). Чтобы представить, что творилось в этом бою, приведу воспоминания бывшего командира взвода автоматчиков гвардии лейтенанта В. А. Георгиевского о том, как развивались события на участке 195-го полка. "В 8 часов утра налетело около полусотни вражеских самолетов. Сначала "Ю - 87" ударили по левому соседу, а потом бомбы обрушились и на нас. Не успела еще осесть пыль, поднятая бомбежкой, как наблюдатели сообщили: «Танки!» На позиции полка надвигалась колонна серых вражеских машин. Между ними частоколом встали разрывы снарядов, ударила наша артиллерия. Загорелся один танк, потом другой... Где-то

позади «пропели» «катюши», над нами прошли снаряды и огненной линией взорвались между танками.

- Приготовиться к отражению атаки, пехоту отсечь от танков! - подаю команду взводу. Рядом со мной в окопе автоматчик А.П. Новгородцев, который приготовил гранаты с горючей смесью. Танки все ближе и ближе. По ним ведут огонь противотанковые пушки. Батарейцы уже подожгли три танка. Вражеские «пантеры» прорвались к нашим передовым окопам и начали их «утюжить». Головная машина подбита и задымила. Никогда не думала, что танк так может гореть. Страшный бушующий огонь охватил его. И вдруг – сильный взрыв. Тяжелую башню отбросило в сторону.

Через наши окопы переваливаются танки и идут дальше. Там ими займутся артиллеристы, а мы - пехотой. Вот она цепью выходит из дыма. Во весь рост вражеские автоматчики приближаются к нам. Командую: "По пехоте огонь!" По цепи хлестнули автоматные очереди и фашисты, словно ударившись в стену, остановились. Потом одни залегли, другие рванулись вперед. Еще минута – и мы прижали их к земле».

Это только один эпизод. А сколько их было?! Тоже самое происходило и на северной окраине Кочетовки, где основная тяжесть борьбы с фашистскими танками выпала на долю артиллерии и бронебойщиков 135-го гвардейского артиллерийского полка.

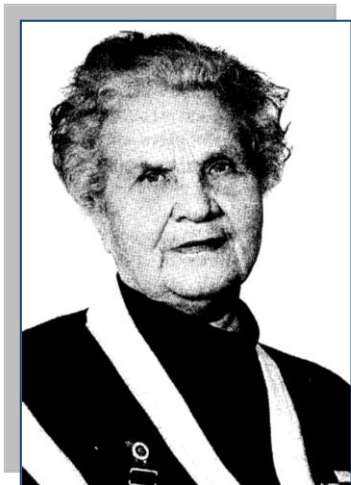
В этот день многие гвардейцы пали в бою. В их числе ветеран 145-го гвардейского полка гвардии капитан Л. З. Заболотских – замкомандира батальона по политчасти. Тогда ему исполнилось 22 года. Первый бой он принял вместе с дивизией в августе 1941 г. на Сейме. Молодой политработник полюбился бойцам своей отвагой, мужеством. Где было трудно, там всегда находился Заболотских. Вместе с командиром ему неоднократно приходилось поднимать роты в атаку, рисковать, совершать вылазки во вражеский тыл. За отличие в боях на Сейме он был награжден орденом Красного Знамени, За Сталинград удостоился ордена Красной Звезды. Принимая награду, капитан сказал: "Жизнь моя принадлежит Родине, о ней, о ее счастье все мои помыслы».

Участвуя в этой исторической битве, 66-я гвардейская стрелковая дивизия внесла существенный вклад в срыв вражеской операции «Цитадель», в разгром крупной группировки немецко-фашистских войск. В ходе ожесточенных боев гвардейцы проявили высокие боевые качества. От их ударов враг потерял десятки хваленых «тигров», сотни солдат и офицеров. Чудеса героизма в те дни проявили многие гвардейцы дивизии.

*Пивоварова А. П.
//Диалог.- 2000.- 4 авг.*

РОДИНА НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА

Боец Наташа.

У войны неженское лицо. Но без женщин Великую Отечественную мы бы не выиграли. Это факт. Они не только заменили мужчин в поле и у станков, но и под пулями выносили раненых с поля боя, строили оборонительные укрепления, дороги и переправы. Как переносили хрупкие 18-летние девчонки военные тяготы, можно написать не одну книгу. Кое-что из своей фронтовой биографии нам рассказала Наталья Петровна Родина, заслуженный врач России, почетный гражданин Северска.

Наталья Петровна с детства мечтала стать врачом. Документы в ленинградский институт подала на следующий день после выпускного бала - 22 июня 1941 года. Ее приняли, но до города на Неве она не доехала. В районе Волхова на станцию налетели немецкие бомбардировщики...

- В этот день, 28 августа 1941 года, с юга замыкалось кольцо блокады Ленинграда. И если бы я выехала чуть раньше, могла оказаться в осажденном городе, - говорит ветеран.

Наташа вернулась домой. Год проработала учительницей начальных классов. А когда в 1942-м вышел приказ Сталина брать женщин во вспомогательные войска, не задумываясь, написала заявление с просьбой отправить ее на фронт. Но она попала в 140-й отдельный мостостроительный батальон 2-й гвардейской армии. В нем трудились солдатики лет за сорок да молодые девчонки. Через болота и леса строили подъездные пути к Ладоге, той самой дороге жизни, о которой так часто рассказывают военные хроники. Зимой по льду, а летом на катерах через озеро в голодный, полуразрушенный, но не сломленный Ленинград доставлялись продукты и боеприпасы, оттуда вывозили больных, стариков и детей.

Труд тяжелый - грязь, комары. Правда, немцы практически не бомбили затерянный в лесу батальон. Да и кормили хорошо.

- Каши с тушенкой полную миску с горкой накладывали, - вспоминает Наталья Петровна. - А вот помыться после рабочего дня было негде. Выдавали маленький кусочек черного хозяйственного мыла. Им и мылись, и стирались где-нибудь в ручье. Раз в неделю ходили в баньку в соседнюю деревню. Она нам хорошо настроение поднимала. Намоемся, напаримся, отстираем свои гимнастерки и - за самовар. А вообще, посмотрите фильм «А зори здесь тихие». Это же практически про нас...

Но один банный день в неделю не спасал. Во время войны девчата переболели и педикулезом, и фурункулезом, и чесоткой.

- Бывало, волосы на голове от вшей шевелились, - рассказывает Наталья Родина.

Но вот что удивительно, за всю войну девушка ни разу не простудилась. Даже насморка не схватила. Хотя и в шалашах жили, и работали на морозе, и прошагали в пудовых от слякоти валенках и промокшей одежде не один десяток верст. Война закалила.

Понятно, что ни перчаток, ни рукавиц девушкам не выдавали. И нежные ручки покрывали приличные мужские мозоли. Но все менялось. Со временем из госпиталей в батальон приходило пополнение. После ранений бойцов списывали с фронта, и они заменяли девушек на тяжелых работах. Так постепенно боец Наташа сначала стала регулировщицей, а потом и секретарем при штабе армии. А бывало, что и на часах ночью приходилось стоять - охранять расположение части на хуторе.

- Я тогда не столько немцев боялась, сколько волков... - вспоминает ветеран.

Оккупантов она впервые увидела под Сталинградом. Пленных. Бескрайняя степь, и по ней растянулись нескончаемые колонны фрицев. Оборванные, укутанные в какое-то тряпье, ноги обмотаны соломой. Они уже не напоминали ту энергичную победоносную армию, вторгшуюся в наши пределы. А были похожи на армию другую, наполеоновскую, времен 1812 года, в спешке покидающую Москву. В тот момент девушка не чувствовала к завоевателям ни жалости, ни злобы. Они вызывали у нее скорее любопытство и какое-то злорадство - навоевались...

В отличие от замерзающих под Сталинградом немцев у советских войск с экипировкой все было в порядке. Девчатам выдали новые полушубки, шапки-ушанки, валенки. Правда, когда их отправляли в Москву, валенки эти украли в одной из бань. Только в самом начале войны с обмундированием было туговато. Тогда еще женской военной формы не ввели, и всем выдали мужские галифе. Да еще сапоги кирзовые 42-го размера. Чтобы обувь не болталась на ноге, приходилось по две пары портянок наматывать. А галифе одна сердобольная учительница из соседней деревни перешила на юбки всему женскому отделению. Чулки девчатам заменяли матерчатые обмотки.

- После войны я очень долго не могла привыкнуть к гражданской одежде, - признается Наталья Петровна. - В Раушене (Восточная Пруссия), где мы встретили победу, в штабе армии был вечер. И я впервые за всю войну надела красивое платье, трофейное. Танцую, а мне неловко, как будто я раздетая. За четыре года так привыкла к гимнастерке и сапогам!

Настоящей наградой девчатам после тяжелых трудов и испытаний первых лет войны стал Крым. В ноябре 1943 года готовилось наступление на оккупированный полуостров. На берегах Сиваша, которое еще называют Гнилое море, строительный батальон сооружал переправу для наших войск. 9 мая 1944 года Крым и Севастополь были взяты. Одну из частей оставили строить памятник героям 2-й гвардейской армии. Наталья с девчатами тоже принимали в этом участие. Носили камни, песок.

- Немца еще не выбили с нашей земли, но уже тогда была такая вера, что мы обязательно победим! - вспоминает Наталья Родина.

А потом был заслуженный отдых на берегу моря. Правда, вот какой казус получился. Пришли девчата позагорать, сняли гимнастерки и... уснули. На войне ведь как: любая минутка тишины - где сел, там и прикорнул. Когда каждый день под смертью ходишь или трудишься с утра до ночи, организм цепляется за любую возможность отдохнуть. И не знаю, сколько бы девушки проспали под палящим южным солнцем, если бы не связной их татарин. «Ипташ Наташ (товарищ Наташа)! Ипташ Наташ!» - разбудил он уснувшего бойца. Тогда девчонки сильно обгорели. Специальных кремов не было. Откуда? Врач обработал им ожоги марганцовкой.

О помаде и хоть каком-то макияже девчата даже не задумывались. Для них большим счастьем было раздобыть в медсанбате немного ваты...

- Девушек в вашем батальоне было не так много. А мужчин - добрых три сотни. Вы чувствовали повышенное внимание со стороны сильного пола? - спрашиваем у Натальи Петровны.

- Я слышала о военных романах, о том, как рушились прежние браки. Но мы были более целомудренными. Командиры нас оберегали. Да и особисты следили, чтобы никаких амурных дел. Был у нас сотрудник СМЕРШа Галошин. Такого самодура еще поискать надо. Не дай бог увидит девушку, разговаривающую с кем-то на тропинке, обязательно на профилактическую беседу вызовет.

После войны Наташа еще больше укрепилась в желании учиться в медицинском институте. Видела переполненные госпитали, раненых, потухшие взгляды покалеченных. Война не очерстила ее, девушка еще сильнее стала чувствовать людскую боль.

- Мы учились истово, все лето подрабатывали, - вспоминает Наталья Петровна. - Студенчество у нас было голодное, но счастливое. Нам было чуть больше двадцати. И впереди - вся жизнь...

Новокионов С.

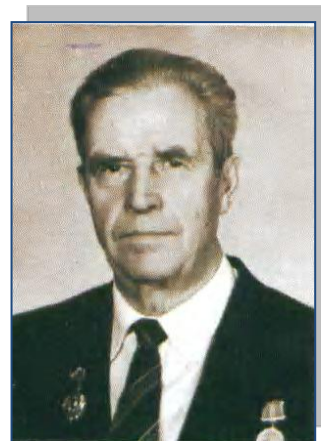
//Диалог.- 2009.- 8 мая.

СТУКАЛОВ АНАТОЛИЙ АНДРЕЕВИЧ

Они сражались за Родину и живут в Северске

Кто из нас ощущает себя действующим лицом всемирной или хотя бы отечественной истории? Самонадеянно отвечу: никто. Среднестатистическому гражданину и в голову не придет объявить свои походы по магазинам, бдение у телевизора, утреннюю толкотню в общественном транспорте теми событиями, которые составляют течение истории. История осознается большинством из нас как понятие отвлеченное, никоим образом не касающееся нашей повседневной жизни. Ее бег кажется параллельным нашему бытию, тогда как, по-моему, именно история правит

бал людских судеб, мы именно погружены в ее, пользуясь выражением гения, «железный поток». Мне кажется, что судим мы об истории согласно логике школьного учебника: только события «героические» заносятся в летопись - бунты, войны, коронации, а именоваться историческим лицом имеет право только революционер или кардинал какой-нибудь. Можно, конечно, родиться на закате целой империи, принять новые правила игры молодой страны и, воспользовавшись царящим разбродом, пойти в гору. Или так: безропотно претерпевать реформы молодого государства, честно делать свою работу, воспитывать детей. В этом случае нас не воспоют историки, но в школьные хрестоматии мы уже помещены в раздел новейшей истории России. Так было всегда. Нам, «негероическим», мажорно или минорно исполняющим свою отдельную партию, суждено составить симфонию под названием «История».

Впрочем, явления «героические» также беспощадны к своим рядовым участникам, скрадывая их имена и судьбы под общим названием «революция», «война». Это уже духовная ли потребность общества или моральный долг заставляют персонифицировать историю, восстановить облик хотя бы «одного из...». Подобные люди на себе пробуют то, о чем мы пишем в школе сочинения, что зубрим к экзамену. Так и военная молодость Анатолия Андреевича Стукалова, ветерана и инвалида Великой Отечественной; как бы сошла со страниц летописи: судьба судила ему оказаться в Бресте в июне 41-го, маршировать на параде 7 ноября 1941 года по Красной площади, участвовать в обороне Москвы. Наша газета подробно вела речь об этом периоде жизни Анатолия Андреевича еще год тому назад в честь очередной годовщины начала контрнаступления советских войск под Москвой (5 декабря 1941 года). Стукалов последний в нашем городе, кто может рассказать о легендарном параде от первого лица, что и сделал на встрече ветеранов 4 декабря в Музее боевой славы северчан. «Меня всегда о войне спрашивают, о параде, о боях под Москвой. Ведь я в Северске один из последних, что принимали участие в параде 7 ноября в том незапамятном 41-м», - говорит А.А. Стукалов. Да, лично я могу слушать о тех событиях бесконечно - так не напишут ни в одной книге, но еще хочу я знать, как живут после исторических событий, когда вступает в силу и набирает обороты прозаическое время.

– *Что с вами было после войны? Как сложилась ваша жизнь?* - спросила я ветерана.

- После третьего ранения в ноябре 1943 года меня демобилизовали. Первого сентября 1944 года я поступил в Ивановский энергоинститут, соответственно окончил его в 49-м. Нас, молодых инженеров, направили работать в Свердловск- 44 (а ныне Новоуральск) в УБТС (Уральская база технического снабжения).

- Когда же вы попали в наш город?

- А в наш город я и еще двое моих коллег из Свердловска-44 приехали в январе 1952 г. по приказу главка. Свою деятельность я начал в УКСе (управление капитального строительства) под началом К.А. Каргина. Мне довелось в то время исполнять обязанности руководителя группы электриков отдела оборудования УКСа.

- Должно быть, трудно пришлось всем вам, первостроителям?

- Да, было очень тяжело, ведь одновременно строились объекты №1, №10, ТЭЦ, ГПП-1 и 2 (главная понизительная подстанция), ЛЭП, три насосных станции, 20-й объект и, конечно, жилпоселок – будущий Томск-7. Ведь тогда какое было время? От тебя потребовали – за сутки – двое должен это сделать! В тот начальный период строительства нашего города и объектов комбината приходилось заказывать оборудование по заказным спецификациям (спецификации – это своего рода перечни необходимого оборудования с указанием наименования, количества завода-изготовителя и т. д.), получать наряды на заводы-изготовители, следить за отгрузкой оборудования, а оно шло вагонами и летело самолетами. В мои обязанности входил и контроль за своевременным получением оборудования, его выдачей монтажным организациям. В экстренных случаях приходилось лично отправляться на заводы-изготовители в Москву, Ленинград, в Киев, даже производить отгрузку оборудования на самолеты. Но это исключения, подобное могло произойти только при пуске корпусов. И первый агрегат ТЭЦ так мы включали: прямо с аэродрома оборудование отправили на испытание – проверили и включили. Так было первые год-два, когда же мы стали иметь все необходимое оборудование на складах, то все встало на свои места.

- Значит, вы снова оказались в гуще событий. А на ЗРИ как вы попали и почему?

- В 1954 году, перед самым пуском, я пришел на завод. К.А. Каргин не хотел меня отпускать, но после ранения я к тому времени палку еще не оставил, ходил с ее помощью, и у меня нога частенько болела. Что можно было сделать, работая в УКСе, - сделал, все функционирует нормально. А первый объект прямо на моих глазах вырос. Когда я в 52-м приехал, то на его месте мы еще успели грибы пособирать.

- В чем заключалась ваша работа на первом объекте?

- На ЗРИ я исполнял должность старшего инженера-электрика в ОГЭ (отдел главного энергетика). Отвечал я за плановый предупредительный ремонт всего электрооборудования объекта: электрооборудование имеет свой конкретный срок службы, от ремонта до ремонта. Если мы этот ремонт вовремя не сделаем, то оборудование начнет выходить из строя. Необходимо не только поддерживать агрегаты в рабочем состоянии, но и следить за своевременной заменой оборудования на новое, которое будет производительнее, дольше работать и удобнее эксплуатироваться. А единиц оборудования, - которое находилось под моим контролем, десятки тысяч.

Сменным инженерам и монтажникам, обслуживающим объекты, приходилось между группами корпуса ездить на велосипедах! Еще одна сложность, которую я должен был учитывать при своей работе: весь ремонт электрического оборудования необходимо согласовывать с ремонтом технологического и механического, иначе не избежать непоправимых аварий.

- Анатолий Андреевич, ведь вы и ваши коллеги приезжали на строительство совсем молодыми. Работа работой, но ведь кроме нее еще что-то было.

- Весело было жить! Когда мы, свердловчане, приехали, был только деревянный клуб «Родина». К тому же времени сдали кинотеатр «Мир», позднее появился ДК имени Н.Островского. Да и не в этом дело! Во-первых, очень много студентов приехало из таких городов, как Ленинград, Москва, Горький. Много общежитий создавалось, а детские сады просто не успевали строить. И хотя после войны прошло не так уж много времени (постоянно ощущались сбои в снабжении продовольствием, промышленными товарами), но мы жили и каждый день видели, что все вокруг строится, все улучшается. С особыми чувствами мы ходили на субботники, осознавая свою сопричастность происходящему.

- Сколько же вы отработали на ЗРИ?

- Вышел я на пенсию в сентябре 1988 года. Менялись энергетики объекта и цехов - В.М.Протазанов, П.М. Вагин, Г. С.Терехин, В.А. Курдыбановский - а я оставался работать и вестись электриком. За время работы поощрен в 60 приказах по предприятию СХК: за рацпредложения, - перелистывает Анатолий Андреевич свою трудовую книжку. От даты к дате восстает ушедшая эпоха «ударных пятилеток», «коммунистического труда» и «славных начинаний». Официальные формулировки приказов холодны, они оживают от коснувшихся их воспоминаний. Оказывается, чтобы быть действующим лицом истории, не стоит дожидаться революции. Разные люди, их будни и выходные теперь составляют историю нашего города.

Кулешова Ю.

//Новое время.- 2005.- 8 дек.

ФОКЕЕВ ДМИТРИЙ ЕФИМОВИЧ

Как русский сапожник на американской амфибии Берлин брал

Родился Дмитрий Ефимович в 1925 году в Татарии, в русской деревне Аверьяново Новошешминского района. Как-то странно получилось, что район этот был населен исключительно русскими, а вокруг гомонил самый настоящий интернационал - татары, мордва, чуваша. Вот такая братская семья народов образовалась. И ведь действительно дружно жили, без исторических обид, территориальных претензий и прочих глупостей

Перед войной приехал в деревню из Ивановской области двоюродный брат Дмитрия Фокеева, поморщился, глядя на серое захудалое Аверьяново, и молвил: "Чего тебе, Митяй, в этой пыльной деревне гнить? Поехали к нам в город. Я тебя сделаю учеником сапожника, станешь мастером, галстук заведешь и заживешь как человек, а?"

От такой головокружительной жизненной перспективы у деревенского парнишки, что называется, в зобу дыханье сперло. Так он и очутился в городе Родники Ивановской области. Кстати, городишко хоть и старый (на два года моложе Томска), но захудалый и лишенный хоть какой-то перспективы. В Родниках до войны проживало 27 тысяч жителей, и за семьдесят лет его население выросло всего на 700 человек. Словом, та еще дыра... Но наивному Диме Фокееву богоспасаемые Родники показались настоящим Царьградом. Юный селянин обнаружил незаурядный сапожницкий талант и выучился-таки на мастера.

"Даже экзамен пришлось сдавать, - улыбается Дмитрий Ефимович. - Надо было сшить тапочки и хромовые сапоги на свою ногу. Ничего, справился. Я потом в этих сапогах и в армию попал. Все вокруг солдатки в обмотках, один я щеголял в офицерских сапогах".

Повестку Дмитрию принесли в январе 1943 года. Отправили его в Горьковскую область в знаменитые Гороховецкие лагеря, через которые прошли чуть ли не все фронтовики. Именно там формировались маршевые роты для отправки на фронт. Образованного, по тем временам, Дмитрия (восемь классов!) направили в школу младших командиров учиться на сержанта. Там он освоил искусство командовать отделением и метко стрелять из бронебойки, так тогда называли противотанковое ружье. Отличника боевой и политической подготовки сержанта Дмитрия Фокеева, однако, по окончании школы на фронт не послали, а оставили учить других. Как раз тогда в школу прибыли призывники 1926 года рождения. Целый год учил Фокеев курсантов воевать, а потом пришел черед и самому отправиться на фронт. Хорошо подготовленному сержанту, можно сказать, профессионалу ратного дела, поручили командовать отделением, оснащенным по последнему слову военной техники. Причем не нашей, а лендлизовской, американской. В его отделении было две шестиместные амфибии марки "Форд" и один 82-миллиметровый миномет. Все американские амфибии были распределены по четырем батальонам особого назначения. На каждый фронт приходилось только по одному такому батальону, поэтому укомплектовывали их тщательно, подбирая самых грамотных, толковых и подготовленных солдат и сержантов. Дмитрий Фокеев в составе 273-го моторизованного батальона особого назначения попал на 1-й Белорусский.

"Когда наш батальон передали 2-й танковой армии, я понял, что скоро пойдём в наступление, - продолжает Дмитрий Ефимович. - Так оно и получилось: пошли мы в прорыв вместе с танками. Так за танками доехали до самой Вислы. Танки дальше пошли вдоль берега к переправе, а мы напрямиком в воду - и на тот берег плацдарм занимать. Огонь немцы открыли по нам жестокий, много амфибий потопили. Но моему отделению повезло: не только ни одной машины не потеряли, но никого даже и не ранило. Наш батальон занял плацдарм шириной в 12 километров и оборонял его до подхода главных сил.

Когда мы с минометами заняли позиции, амфибии вернулись на тот берег, чтобы взять пехотинцев. Машины хоть и брали по инструкции на борт всего семь человек, включая водителя, на деле возили по двенадцать бойцов. Это было очень рискованно, потому что борт амфибии был почти вровень с водой. Чуть трянуло близко упавшим снарядом - и на дно... В том бою мое отделение потеряло только одного бойца убитым, а меня легко ранило в ногу. Так получилось, что именно мое отделение первым форсировало Вислу, поэтому меня и наградили орденом Славы третьей степени".

Надо сказать, что 82-миллиметровый миномет в умелых руках - страшное оружие. Мина падает недалеко и воронок почти не делает: поэтому осколки от нее летят почти параллельно земле, буквально траву стригут. Вот почему все армии мира наибольшие потери несли именно от минометного огня.

273-й моторизованный батальон особого назначения с боями промчался по Польше и вышел к Одру. К форсированию этой реки советское командование приготовило немцам сюрприз. На высоком восточном берегу в ряд выстроили несметное количество танков, машин и прожекторов, и в шесть часов утра все разом включили фары. Противоположный низкий берег, на котором окопались немцы, был залит светом. Слепленные расчеты орудий и пулеметов долго не могли прийти в себя, и этого времени хватило для того, чтобы первая волна наступающих, в которой были и амфибии Фокеева, успела переправиться без единого выстрела со стороны немцев. Огнем накрыло вторую волну. Но был уже конец войны, воевать наши научились. Вспышки от выстрелов стоявших на низком берегу германских артиллерийских и минометных батарей были отлично видны сверху, поэтому сразу засекались нашими артиллеристами. Вскоре все вражеские батареи были подавлены ответным огнем. Немцы держали оборону недолго: деморализованные германские дивизии, боясь оказаться в окружении, отходили почти без сопротивления.

Удивительно, но отделение Фокеева не потеряло в Польше ни одного солдата. "Может быть, дело в том еще, что в моем отделении все бойцы были довольно пожилые, - пытается найти объяснение своему воинскому везению Дмитрий Ефимович. - Некоторым было вообще под шестьдесят годков. Только водители амфибий да я, командир, были молодые. Старики, понятно, куда попало не лезли, под дурные пули свои седые головы совать не

спешили, прежде чем что-то сделать, долго прикидывали, как ловчее да безопаснее. С молодыми мне было проще: они легки на подъем, долго думать не умели, да и не хотели по своей беззаботности и легкомыслию. А наши старики по-отцовски молодежь оберегали, вовремя их дурные головы к земле пригибали, учили беречь и свою, и чужие жизни. Может, потому и потерь у нас в отделении не было".

Военное счастье не покинуло бойцов сержанта Фокеева и в Германии. Даже при штурме Берлина пули и осколки облетели его амфибии стороной. Поначалу советское командование предполагало использовать эти машины при форсировании многочисленных берлинских каналов, но вскоре от этой затеи пришлось отказаться: одетые в бетон и гранит берега были слишком круты и высоки. Использовать же такую ценную технику в кровопролитных уличных боях несентиментальный маршал Жуков, потерявший при штурме Берлина 300 тысяч солдат убитыми и ранеными, посчитал нецелесообразным.

"Уже через несколько дней после Победы начали демобилизовывать и отправлять домой учителей, - говорит Дмитрий Фокеев, - потом по домам распустили стариков. А нам, молодым, пришлось послужить как медным котелкам".

Почти два года после войны прослужил в Германии старший сержант Фокеев, и еще не известно, сколько пришлось бы тянуть армейскую лямку, если бы в часть не приехал офицер набирать желающих поступить в военное училище.

"Я по натуре сугубо штатский человек, - признается Дмитрий Ефимович, - и офицерские погоны меня не прельщали никоим образом. Но мне до смерти надоела Германия, и очень хотелось домой, поэтому я и согласился. Главное - попасть в Россию, а там что-нибудь придумаю. Нашу группу в 12 человек привезли в Свердловское военное пехотное училище, которое потом перевели в Томск. Оно располагалось на проспекте Кирова, 49, где сейчас военные медики учатся".

На счастье Дмитрия Фокеева, в училище зачисляли не просто так, за военные заслуги, а по-настоящему - после экзаменов. Требования были не очень высоки, но смекалистый сержант прикинулся и вовсе несусветным невеждой, который с трудом разбирает буквы. Как ни странно, экзаменаторы ему поверили, хотя в личном деле черным по белому были прописаны восемь классов. А может, и не поверили, а просто сообразили, зачем сержант с умными глазами перед ними дурака валяет. Словом, не приняли Фокеева в курсанты, но и домой не отпустили, назначив механиком гаража военного училища, в котором, помимо автомобилей, были еще танк Т-34 и... двенадцать кобыл.

В запас Дмитрия Фокеева уволили только в 1950-м. Аккурат в это время в училище приехал капитан со строящегося "почтового-5" и сагитировал молодого дембеля.

Так распорядилась судьба, что довелось бывшему сапожных дел мастеру руководить первыми бетонными заводами города атомщиков. Поначалу устрасился: мол, не учен этому делу. А по ходу разобрался и стал настоящим специалистом. Из его бетона весь комбинат построен и половина Северска. И ничего, стоят, не покосились...

*Дерябин В.
//Диалог.- 2008.- 8 мая.*

ХАРЧЕНКО ВЛАДИМИР ФЕДОРОВИЧ

Моей фронтовой семьей стала полковая разведка 59-го стрелкового Валгинского полка 85-й Краснознаменной Павловской дивизии. Вспоминается прибытие на фронт. Сопровождавший нас офицер сказал на поляне среди соснового леса: «Вот здесь и будем располагаться». На робкий вопрос одного солдата: «И где же мы будем ночевать?» - раздался дружный хохот. Мы надолго распрощались с комфортом: ходить в баню, спать нормальным сном, раздетым под одеялом, регулярно питаться. Солдатская шинель стала и матрасом, и одеялом, и подушкой в любую погоду, под дождем и под снегом, прямо на

улице.

Наша группа солдат располагалась на фланге, когда подошел офицер: «Кто желает воевать в разведке?» Он рассказал о преимуществах разведчиков. Это элитное воинское подразделение - глаза и уши армии. Их не стригут наголо, дают дополнительный продуктовый паек, лучшее обмундирование, личное оружие - пистолет и финку - в дополнение к табельному. Но предупредил, что воевать в разведке не только почетно, но и опасно. Солдаты молчали. Офицер был явно обескуражен и с горечью произнес: «А я думал сибиряки храбрые!» Тронув своего товарища за руку, я сказал: «Пойдем, какая разница, где умирать?» В итоге в разведку пошли 11 солдат из тысячного пополнения, прибывшего на фронт.

Когда потом на фронте мне говорили о моих героических подвигах, я отвечал, что честно выполняю свою трудную боевую работу. Только один раз я совершил подвиг, когда добровольно пошел воевать в разведку, на смерть.

«Подарок» к празднику

Расскажу лишь о трех военных днях. На завершающих этапах войны мне пришлось принять участие в боях по уничтожению Курляндской группировки. На небольшом прибалтийском полуострове в Латвии были окружены две фашистские армии - 16-я и 18-я. Приближалось 23 февраля 1945 года. По случаю праздника нам готовился «подарок».

Накануне наша пехота, преодолевая упорное сопротивление противника, продвинулась вперед более километра - это был несомненный успех. Вечером того же дня помощник начальника штаба полка по разведке старший лейтенант Григорьев получил приказ связаться с наступающим батальоном. «Старшой», как мы его называли, приказал мне его сопровождать. К нам присоединился молодой солдат, спешивший в свой батальон. Все складывалось как небольшая прогулка, никаких предчувствий у меня не было.

Когда вышли из штаба полка, стемнело. Шли по неглубокому снегу. Порывистый ветер мел поземку по целине. Было не холодно, но неприятно ощущался влажный морской воздух. Старшой шел впереди, тяжело ступая и низко опустив голову, сказывалось напряжение последних дней и бессонные ночи. Я, по привычке попадая след в след, шел в двух шагах позади. Спутник наш где-то отстал. По пути попался догорающий дом. «Утром там были немцы», - мелькнула мысль. Появилось сомнение в правильности пути, однако дисциплина одержала верх. Острое чувство опасности не покидало. Машинально перевел автомат, выкрашенный под цвет маскировочного костюма, со спины на грудь, ощупью проверил две гранаты, расстегнул кобуру трофейного парабеллума, пряжку ножа-финки, клапаны чехлов двух запасных магазинов. Сутулая спина командира по-прежнему маячила впереди. Мы медленно приближались к одинокому человеку, стоящему в метрах пятидесяти от группы людей. Похоже, мы пришли на место. Подойдя, старшой, помедлив, как бы собираясь с мыслями, тихо спросил, где штаб батальона. Ответ был непонятный. Старшой повторил, на этот раз мы услышали немецкую речь. Все решали секунды, но мы стояли неподвижно. Наконец Старшой изменившимся до фальцета голосом произнес: «Автомат!» Заслонив командира, я одновременно взвел затвор. Истошный, леденящий кровь крик немца заглушила очередь моего пистолета-пулемета. Не отпуская спускового крючка, я перевел огонь на стоящих толпою немцев. Времени было в обрез, надо скорее убираться...

На другой день я лично порвал свою похоронку. Как оказалось, наш спутник был какое-то время очевидцем происходящего. По словам вернувшегося в штаб полка необстрелянного юнца, сражение дошло до рукопашной, и погибли мы с честью. Вторым рождением назвали тот случай мои товарищи.

Бьют в нашу сторону

День 23-го февраля перевалил за половину, когда я вернулся в расположение разведки. Приняв сто грамм «наркомовских», хотел поспать, но сон не шел. Причин было несколько, но главная, наверно, вызов начальника разведки к командиру полка. Это означало, что предстоит «работа». А поскольку простых заданий нам не давали, разведчики ходили в тягостном ожидании, не было шуток, смеха, каждый замкнулся в себе.

Наконец наступил вечер. Всему составу разведки было приказано сопровождать командира полка на новый КП, освобожденный накануне клочок земли. Дорога была уже знакомая. Прибыв на место, заняли немецкий блиндаж, едва успели расположиться, как нам дали «работу». В створе нашего расположения находился хутор, приказано было проверить, есть ли там фашисты. Без малейшего промедления группа из 11 человек ускоренным шагом направилась к цели. Было уже совсем темно. Немцев мы не обнаружили, но было много фактов, говоривших, что убрались они за несколько минут до нашего прихода. В блиндаже за домом нашли личные вещи и... теплый кофе.

Назад мы возвращались с трофеями, надежда на везение окрыляла, строй распался. Рядом шел мой друг Борис Беляев, мы негромко разговаривали. Вдруг раздался крик: «Стой!» Короткая очередь из автомата прошла совсем рядом, мы упали. Больше не стреляли, в ход пошли «сочные» русские слова. Когда все успокоилось, я тронул своего товарища, но он уже ничего не чувствовал. Мы редко возвращались без потерь, вот и сейчас война получила очередную жертву... В блиндаже устраивались на ночь. Кто лежал, кто сидел, тускло горела свеча, все молчали. Ужина мы не ждали, в такой ситуации, если удавалось, то кормили горячим раз в сутки. Вместе со Старшим мы совершили обход прилегающей территории. Была глухая темная ночь, стояла тревожная тишина, изредка прерываемая далекими очередями выстрелов, - война спала. Неожиданно со стороны нашего тыла вспыхнуло зарево. Огненные сполохи вертикальными трассами прошили темное небо. «Это катюши», - сказал командир. «Да, - добавил я, - и бьют в нашу сторону». Мы быстро укрылись в блиндаж, спустя минуту где-то вдали загрохотали разрывы. Все заснуло.

Дважды погибший и трижды рожденный

Резкая команда мгновенно вымела нас из блиндажа, спали ведь одетые. Творилось что-то невообразимое: непрерывные разрывы снарядов, светящиеся полосы трассирующих пуль, бледный смертельный свет гаснущих ракет. На фоне всего этого - бегущие в панике наши солдаты. Ночью всегда страшнее, чем днем. Тут же оценили обстановку. С поляны, обойдя нас, немецкие танки вели частый огонь из пушек по нашему расположению. Грохот и яркий отблеск особенно свирепствовали на опушке леса, оттуда и отступала наша пехота. Командир полка, не зная, как остановить солдат, приказал разведчикам рассыпаться в цепь и задерживать убегающих. Наши старания ни к чему не привели, все реже пробегали солдаты, все ближе раздавались очереди вражеских автоматов. Мы остались одни - командир полка и разведка. Положение стало критическим. Командование принял на себя Старшой. По его приказу разведчики окружили командира полка и стали удаляться в указанном направлении... в немецкий тыл. Со старшим лейтенантом мы остались вдвоем осмотреться. Два снаряда разорвались почти одновременно, один позади меня, совсем

рядом. Что-то жесткое сильно ударило в бедро, а взрывом швырнуло меня к основанию старой ели. Черная волна накрыла сознание...

Чувство острой опасности быстро помогло прийти в себя. Я остался один. Близо были слышны крики немцев, которые автоматным огнем прочесывали лес. Насколько серьезно ранение, я не знал: все болело, в голове звон, правая нога была как ватная, веки тяжелые. Мысль работала в одном направлении: надо убираться, да побыстрее. Если не смогу, придется принять бой и отдать свою жизнь. В кармане гимнастерки лежал последний патрон - один, и для себя. Опасность удесятерила силы. Начал двигаться, первое время ползком, затем стоя, волоча бесчувственную ногу, я увеличивал скорость. Немцев уже не было слышно.

На самой опушке леса скопилась наша отступавшая пехота. Мы находились в окружении, дальше через поляну отходить было опасно, все пространство простреливалось пулеметами из танков. Но и оставаться было нельзя: рассветет - и всем конец. Офицеров не было видно, я объяснил ситуацию солдатам. И без колебания, тяжело припадая на ногу, пошел через поляну к своим. Стреляли, но огонь не прицельный, было еще темно. Несмотря на свист пуль, я, не останавливаясь, проковылял до леса. Оглянувшись, увидел, что пехота последовала моему примеру. Так я спас солдат, оставшихся от разбитого батальона. Таким оказался финал нашего праздника.

Тот самый осколок я до сих пор ношу с собой. В госпиталь ехать отказался: Проспав сутки, встретил разведчиков, вышедших из вражеского тыла. Меня ждала уже вторая похоронка. И опять встречные делали круглые глаза, подходили и трогали за одежду, за руку, не веря. Это было мое третье рождение за трое суток.

Воевать мне оставалось 18 дней до двух тяжелых ранений.

*Русская Н.
//Диалог.- 2008.- 20 июня.*

ЧИСТЯКОВ ФЕДЕР МИХАЙЛОВИЧ

Чистяков Федор Михайлович, призван в ряды Красной армии в ноябре 1939 года. Принимал участие в боевых действиях в Финляндии, в освобождении Бессарабии в 1940 году. Великую Отечественную войну начал на Южном фронте, затем 2-й и 3-й Украинский фронт. В 1945-м участвовал в войне с Японией. Боевые награды: орден Отечественной войны 1-й степени и два ордена Красной Звезды, медали "За боевые заслуги", "За взятие Будапешта", "За взятие Вены", "За победу над Германией", "За победу над Японией".

Испытание войной

Коренастый, подвижный, с лукавинкой в глазах и необыкновенно ясной памятью Федору Михайловичу Чистякову никак не дашь его 89. В назидание внукам и правнукам в школьной тетради он пишет дневник.

"Отец мой, Михаил Васильевич, выходец из крестьян. Окончил Ярославский институт, получил диплом провизора и начал работать аптекарем. Влюбился в 16-летнюю Сашеньку Никольскую, старшую из восьми дочерей земского писаря. Обвенчались тайно и уехали из города Романова в город Данилов. Здесь на второй день Рождества 1916 года я и появился на свет".

А всего их было тринадцать детей, выжили лишь шестеро. Но и их нужно было кормить и одевать. И тогда отец открыл лабораторию по изготовлению мазей, пергаментной бумаги и разноцветных чернил.

По дневниковым записям Федора Чистякова прекрасный бы сценарий получился для фильма. Времена отжившего свое НЭПа. Бедная многодетная семья. Младшие ребяташки донашивают одежду старших. Весной и летом собирают в лесу цветы и продают их на пристани. Федя ухаживает за поросятами, заготавливает дрова и сено. Отец провалился под лед и умер от воспаления легких. 13-летнего Федора мать ведет в ремесленное училище. Закончил. Пошел работать в инструментальную мастерскую. Потом уезжает к сестре в Ярославль. Трудится на заводе "Пролетарская свобода". Армия. 161-й стрелковый полк 95-й стрелковой дивизии города Балты. В декабре 1939-го эту дивизию направляют на войну с финнами. Новый 1941 год Федор встречает в Котовске, а лето - в Бессарабии. Вместе с другими солдатами срочной службы мечтает о демобилизации.

"22 июня ночью я был на дежурстве и увидел, как со стороны реки Прут появились самолеты. Началась бомбежка. Началась война..."

Их дивизия держала оборону на пограничном рубеже. Через тринадцать дней по приказу командования стала отходить в сторону Кишинева и Одессы.

До войны Федору казалось, что не может быть более сильного и могучего государства, чем Советский Союз. "Напрасно мы надеялись на мирный договор с Германией..." - говорит он.

Оборона Одессы длилась 75 дней. Но пришлось нашим солдатам оставить этот город. В большой секретности за одну ночь они погрузились на корабли Черноморского флота. На пути к Севастополю их неоднократно бомбила немецкая авиация, но всё же большинство кораблей дошли до порта назначения. А потом их отправили на Перекоп, а там немцы уже прорвали оборону. С боями наши стали отходить на Бахчисарай, Ялту, Алушту. И оборонялись, и отступали на новые позиции. Было ужасно трудно еще и потому, что некоторые местные помогали немцам пройти в тыл наших войск. Немец бил в спину и в лоб. И все же вышли к горе Ай-Петри, прошли Байдарские Ворота и заняли оборону на подступах к Севастополю. 250 дней держали они противника на Крымском полуострове. Здесь воевала немецко-румынская армия, хорошо вооруженная и явно превосходившая наши силы. Налеты авиации - до 300-500 самолетов в день. Севастополь разрушался планово. Его полностью разбили и сожгли.

"У нас же почти не было авиации и орудий. Боеприпасы изготавливались на месте - в мастерских и доках. Орудия использовали с затонувших кораблей. Нам помогал Черноморский флот, которым командовал вице-адмирал Октябрьский. Но когда немцы заняли Северную бухту, море было под обстрелом до самого горизонта, и корабли к нам уже не подходили. Те, что пытались прорваться, были уничтожены. Один корабль был послан с пополнением, но из 3500 человек остались только 7..."

У нашего правительства не было резерва для продолжения обороны Севастополя. Его пришлось сдать. Но какой ценой! От пехотинца до моряка - все дрались до последнего патрона. Между Камышовой и Казачьей бухтами скопилось около 14 тысяч раненых. Эвакуировать их не было возможности, и многие попали под гусеницы немецких танков. Раненые ползли к морю и бросались с обрыва. Лучше так погибнуть, чем под гусеницами.

"Последними для нас были бои на Малаховом кургане и в Херсоне. Прижатые к морю, без патронов, снарядов и мин, а главное - без командного состава, мы пытались спастись на плотах, но и их делать было не из чего..."

На берегу скопилось порядка пятидесяти тысяч солдат, брошенных на произвол судьбы. В 6 утра 12июля 1942 года немцы стали кричать: "Сдавайтесь, не проливайте лишней крови!" Федор Чистяков с однополчанами прятались в штольнях Инкерманской бухты, где были склады с шампанским (около трех миллионов бутылок) и окороками. От шампанского и копченостей мучила жажда, а воды они не видели уже несколько дней.

Больше всех переживали евреи, так как звучали угрозы об их уничтожении. Доходило до самоубийств. И вот звучит последнее предупреждение немецкого командования. Сопrotивляться бесполезно - у

наших ни патронов, ни гранат. Кое-где стали появляться белые флаги из простыней и портянок.

«И вся армия, оставшаяся в Севастополе, была взята в плен. Выходили из штолен, строились и шли под конвоем румынских и немецких солдат с овчарками. Как мы проклинали наше командование, которое не смогло эвакуировать личный состав!..»

Гнали их на Украину, в лагеря Кировограда. На пути было несколько промежуточных лагерей, где останавливались ночевать. Местные жители старались помочь, передать хотя бы кусок хлеба. Однако охрана никого не подпускала. Шаг влево, шаг вправо - расстрел! Особенно страдали больные и ослабевшие, которые шли в конце колонны. Упавших пристреливали и сбрасывали в кювет.

"В промежуточных лагерях нас пропускали через "осмотр" по национальной принадлежности. В воротах лагеря стояли представители наций, у которых было принято обрезание - евреи, узбеки, татары. Нас заставляли снимать брюки и осматривали. Евреев сразу отводили в сторону и увозили на специальных машинах - "газовых душегубках". Задохнувшихся сжигали в котельных, откуда нестерпимо несло горелым мясом..."

Солдатиков наших кормили гнилыми овощами, в "болтанке" плавали черви, хлеба давали по 50 граммов. Чтобы выжить, приходилось терпеть и ждать удобного случая для побега. Однако охрана была сильная, а кругом проволока под напряжением.

"Ночевали мы прямо на улице. А была уже осень, и шел дождь со снегом. Натерев ноги, я снял ботинки, положил их под голову. Утром проснулся - ботинок нет! Обвязал я ноги портянками и совсем потерял самообладание..."

Федор был похож на еврея, и дежурный полицейский посадил его в железную клетку. Попытки доказать то, что он русский, ни к чему не привели. Вспомнил Федя "осмотр" и расстегнул брюки. Отпустили. А полицейские, кстати, умудрялись придумывать все новые и новые пытки.

И вот Кировоградские лагеря. Многие так и не дошли до них, оставшись лежать на дорогах и в кюветах. Жили пленные на спортивном стадионе. Вместе со своим земляком Лешей Микеровым Федор попал на карьер. Гнали их туда бегом, с собаками. Целыми днями они таскали камни из нижнего карьера на верхний. Того, кто брал маленький камень, - били. Кто споткнулся или упал, тому расстрел. А то и просто так стреляли, для интереса и удовольствия.

В общем, хлебнул наш Федор с лихвой. Но все же сбежал из этого ада. Перекапывался в одной из деревенок, хотел связаться с партизанами. А к этому времени (весна 1943-го) наши части шли в наступление, и Федор примкнул к 52-й стрелковой дивизии 429-го стрелкового полка. В апреле 1944-го форсировали Южный Буг и начали освобождение Молдавии. Потом бои на Днестре и Яско-Кишиневская операция. Дунай, румыно-болгарская граница, болгаро-югославская. Январь 1945-го - сильнейшие бои в районе

озера Балатон. Новый год встречали в Венгрии. Враг, чувствуя свое поражение, вводил последние резервы.

"В марте 45-го мы стояли в селе Вортиш-Болгаре. К нам пришло большое пополнение. Как приятно было смотреть на чистеньких, вновь прибывших солдат. Не верилось, что у нас еще есть резервы".

А 9 мая, это была уже Чехословакия, возвращаясь с передовой, Федор и товарищи слышали беспорядочные выстрелы из всех видов орудий. Подумали, что немцы прорвались. Но это были салюты победы.

Однако война для Федора Чистякова на этом не закончилась. Полк преследовал уходящих немцев. И опять бои, опять убитые и раненые. А потом эшелон на восток. Прага, Дрезден, Варшава. Куда везут - не говорят. Пересекли польскую границу, Барановичи, Оршу, Смоленск, Вязьму, Можайск... В 6 утра 26 мая поезд прибыл в Москву. К вагону подбежал мальчуган.

- Куда вы едете?

- Не знаем.

- А я знаю! Воевать с япошками!

"Тут мы поняли, что нам предстоит испытать еще одну войну..."

*Калинина В.
//Диалог.- 2005.- 31 марта.*

Список ветеранов, материал о которых находится в дайджесте:

1. Арсеньев И. Н	С. 11
2. Белов А. Ф.	С. 27
3. Булгаков Н. С.	С. 31
4. Вигдергауз Б. А.	С. 34
5. Волкова П. И.	С. 37
6. Дикович Н. А.	С. 41
7. Долганов И. И.	С. 14
8. Зеленов М. П.	С. 43
9. Иглаков А. И.	С. 46
10. Капоров В. Н.	С. 52
11. Карван В. Э.	С. 50
12. Кулешов В. И.	С. 15
13. Лимонов И. Д.	С. 19
14. Лыков А. М.	С. 52
15. Малиновский В. А.	С. 53
16. Никитин В. М.	С. 56
17. Петров В. А.	С. 59
18. Пивоварова А. П.	С. 62
19. Родина Н. П.	С. 65
20. Стукалов А. А.	С. 67
21. Трофимов Ф. Л.	С. 23
22. Фокеев Д. Е.	С. 70
23. Харченко В. Ф.	С. 74
24. Чистяков Ф. В.	С. 78

Список использованной литературы:

1. Арсеньев Иван Николаевич //Кавалеры Золотой Звезды.- Томск: Издательство Томского университета, 1999.- С. 15-20.
2. Вигдергауз Б. А. //Диалог.- 1998.- 8 мая.
3. Дерябин В. Как русский сапожник на американской амфибии Берлин брал //Диалог.- 2008.- 8 мая.
4. Долганов Иван Иосифович //Северский меридиан.- 2005.- №10.
5. Иванова Ш. М. Всю жизнь на передовой //Новое время.- 2005.- 28 апр.
6. Калинина В. Зеленов Марк Петрович //Диалог.- 2003.- 10 окт.
7. Калинина В. Чистяков Федор Михайлович //Диалог.- 2005.- 31 марта.
8. Кочеткова О. Все начинается с детства //Излучение памяти. Северск: годы и люди. Книга очерков.- Томск, 2009.- С. 18-25
9. Крылов А. //Диалог.- 1995.- № 4.
10. Кулешов Владимир Иванович //Кавалеры Золотой Звезды.- Томск: Издательство Томского университета, 1999.- С. 23-32.
11. Кулешов Ю. Они сражались за Родину и живут в Северске //Новое время.-2005.- 8 дек.
12. Ламанова Т. Уроки выживания Виталия Петрова, разведчика и человека //Новое время.- 2004.- 19 мая.
13. Лимонов Илья Дмитриевич //Кавалеры Золотой Звезды.- Томск: Издательство Томского университета, 1999.- С. 35-52.
14. Матвеева Н. Иглаковские мы //Новое время.- 2005.- 5 мая.
15. Новокшенов. С. Боец Наташа //Диалог.- 2009.- 8 мая.
16. Они сражались за Родину. Список ветеранов Северной дивизии – участников Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. //Диалог.- 2010.- 26 февр.
17. Пивоварова А. П. 50 дней и ночей //Диалог.- 2000.- 4 авг.

18. Погуляев. И. Подвиг сержанта //Северский меридиан.- 2005.- №10.- С. 14.
19. Прозорович О. Вигдергауз Борис Абрамович // Диалог.- 2009.- 4 дек.
20. Русская Н. Харченко Владимир Федорович //Диалог.- 2008.- 20 июня.
21. Северчане – ветераны Великой Отечественной войны, награжденные правительственными наградами //Диалог.- 1997.- 23 мая.
22. Трофимов Федор Леонтьевич //Кавалеры Золотой Звезды.- Томск: Издательство Томского университета, 1999.- С. 55-73.
23. Яковлев А. Санрота всегда в строю //Диалог.- 2005.- 19 мая.

**Список материалов, об участниках Великой Отечественной войны,
не вошедших в дайджест**

1. Артиллеристы, Сталин дал приказ... //Диалог.- 2005. - 28 апр.- С. 11.
Об участнике Великой Отечественной войны, жителе нашего города С. И. Шаманаеве.
2. Бикеева Н. Ф. День рождения встретил у Рейхстага: воспоминания ветерана о войне //Диалог.- 2009.- 15 мая.- С. 6.
3. Блокадой крещеное братство //Диалог.- 2004. - 23 янв. - С. 7.
О северчанах, награжденных медалью "За оборону Ленинграда".
4. В победу мы верили: из воспоминаний участницы ВОВ Пивоваровой А. П. //Новое время.- 1995.- 18 февр.- С. 4.
5. Ветераны - северчане. Они защищали Родину //Диалог.- 2006.- 5 мая.- С. 10-11, 21-23.
Напечатаны фотографии северчан - участников Великой Отечественной войны.
6. Волкова О. Р. Помолись за нас, дочка!: воспоминания //Новое время.- 2003.- 1 мая.- С. 16.
7. Воробьева С. Это тяжелая и страшная штука-война: северчане в ВОВ //Диалог.- 1995.- N5.- С. 3.

8. Гарифов С. Всенародный подвиг спасения Родины: воспоминания И.А.Уварова о битве под Москвой //Новое время.- 1997.- 4 дек.- С. 5.
9. Галушак В. Они приближали победу! //Новое время.- 2008.- 8 мая.- С. 15.
О ветеранах Великой Отечественной войны, северчанах А. В. Стряпшине и А. Ф. Белове.
10. Гарифуллин М. Судьба //Северский меридиан.- 1998.- № 1.- С. 71.
11. Голоскоков И. Под оперативным псевдонимом "Ураган" //Диалог.- 2005.- 15 дек.- С. 10.
О ветеране Великой Отечественной войны, бывшем пограничнике, опыт которого востребован сотрудниками ФСБ.
12. Груднева О.Д. Фронтная судьба: воспоминания //Диалог.- 2000.- 11 авг.- С. 5.
13. Гусева К. Д. "Ты с ума сошла: нас же всех расстреляют!" //Диалог.- 2007.- 4 мая.- С. 12.
Старший радист-разведчик спецслужб НКВД, сержант К. Д. Гусева вспоминает о войне.
14. Данилов Н. Курская битва: воспоминания //Новое время.- 2000.- 20 июля.- С. 12.
15. Дворецкий А. Из поколения детей войны //Новый диалог.- 2010.- 12 марта.- С. 6.
О Николае Андреевиче Дворецком, который в Великую Отечественную войну стал круглым сиротой.
16. Дерябин В. Военная косточка //Диалог.- 2005.- 24 нояб.- С. 20.
О северчанине - участнике Великой Отечественной войны И. А. Уварове.
17. Дерябин В. Сарнский перебежчик //Диалог.- 2009.- 8 мая.- С. 5.
Из воспоминаний фронтовика Михаила Ковригина.
18. Дерябин В. Секрет его долголетия //Диалог.- 2008.- 20 июня.- С. 7 .
19. Дерябин В. Солдатское счастье подпоручика Петрова //Диалог.- 2008.- 18 апр.- С. 7.
О северчанине В. А. Петрове - участнике Великой Отечественной войны в составе Войска польского.

20. Зеленов М. П. Сталинградская битва - это орден на груди России //Диалог.- 2006.- 3 февр.- С. 7.
Прилагаются фотографии и краткие биографические справки ветеранов Великой Отечественной войны, жителей Северска, награжденных медалью "За оборону Сталинграда".
21. Земляку, защитнику Родины, Николаю Александровичу Иглакову посвящается //Новое время.- 2000.- 18 мая.- С.12.
22. Кавалеры Золотой Звезды/ [М. П. Зеленов и др.]; Музей г. Северска.- Томск: Издательство Томского университета, 1999.- 81с.
23. Калинина В. Георгий - победоносец //Диалог.- 2005. - 14 апр. - С. 9.
История ветерана Великой Отечественной войны, ветерана Сибирского химического комбината Георгия Шадинова.
24. Калинина В. 11 портретов //Диалог. -2001.- 2 февр.- С. 3.
25. Калинина В. Он родился в рубашке //Диалог.- 2005. - 7 апр.- С. 6.
Об участнике Великой Отечественной войны, жителе Северска Ф. Д. Великосельском.
26. Калинина В. Семь почтенных стариков //Диалог -2003.- 5 дек. - С. 6.
27. Карасева Л. Война Александра Иглакова //Красное знамя. - 2005. - 8 апр. - С. 3.
Об участнике Великой Отечественной войны, жителе села Иглаково Александре Ивановиче Иглакове.
28. Карван В. Э. И помнит мир спасенный: воспоминания / В. Э. Карван //Диалог.- 2003.- 9 мая.- С. 5.
29. Карманова Л. Он прошел всю войну //Новое время.- 1999.- 6 мая.- С.5.
30. Клыгин А. Е. Клятвы Козлова: о ветеране войны и труда К.В.Козлове //Диалог.- 2000.- 5 мая.- С.5.
31. Ключкина Н. На "тигров" с шашкой //Диалог.- 1997.- 19 окт.- С. 3.
О ветеране войны Борисе Евдокимовиче Завгороднем.
32. Книга Памяти: они защищали Родину, жили и работали в нашем городе/ [авторский коллектив: М. П. Зеленов и др.].- Северск: СГТИ, 2005.- 265 с.

33. Ковригин М. И. Немного лет тому назад: воспоминания //Диалог. - 2003.- 9 мая.- С. 4.
34. Ковригин М. Пойма: эпизод из фронтовой жизни //Диалог.- 2000.- 25 февр.- С. 12.
35. Колубаев В. А. Как это было: воспоминания //Новое время .- 2000.- 11 мая. - С. 5.
36. Коняхин Н.Ф. Направление главного удара: воспоминания //Новое время.-1999.- 28 янв.- С. 4.
Николай Фатеевич Коняхин награжден Орденом Красной Звезды, Медалями "За боевые Заслуги", "За оборону Москвы","За оборону Ленинграда".
37. Ламинский В. Р. Это был ад... //Диалог .- 2007.- 4 мая.- С. 12.
Гвардии старший сержант, кавалер двух орденов Красной Звезды, двух орденов Отечественной войны и польской медали "За Одер" В. Р. Ламинский вспоминает о войне.
38. Маклакова В. И не веришь, что жив остался //Диалог.- 2000.- 13 мая.- С. 4.
39. Малышев Ю. М. Североморец //Диалог.- 2005. - 21 апр.- С. 5.
Об участнике войны, майоре в отставке, северчанине Н. И. Филиппеве.
40. Маратов Р. Сказ про внука кулака, так и не ставшего лейтенантом //Диалог. -2008.- 2 мая.- С. 6.
Воспоминания северчанина, участника Великой Отечественной войны Ивана Петровича Хлуднева.
41. Местных Б. Запомните нас молодыми //Новое время.- 2006.- 26 янв.- С. 13.
О ветеране Великой Отечественной войны, северчанине, принимавшем участие в сражении за Сталинград.
42. Мифтахова М. Обычная достойная судьба //Новое время.- 2006.- 12 мая.- С. 8.
О ветеране Великой Отечественной войны, северчанине Д. А. Бизяеве.
43. Михайлов С. Не скудеет род Иглаковых //Новое время .- 2003.- 11 июня - С. 16.

44. Нестеренко П. П. Рассказ моего прадедушки Петра Павловича Нестеренко //Новое время.- 2005. - 4 марта. - С. 13.
45. Новикова З. Его судьба в судьбе Отчизны //Новое время.- 1995.- 28 янв.- С. 6.
46. Иглаков А. И. Иглаковы //Новое время.- 1995.- 28 янв.- С. 6.
47. Новокшенов С. Герой везде - в бою и труде: о судьбе одного из бывших работников МСУ-74, ветеране Великой Отечественной войны Н. Е. Емельяненко //Новое время. -2000.- 4 мая.- С.12.
48. Они вернулись с Победой!: [памятный фотоальбом]/ [сост. С. В. Хорев и др.] - Томск: Панорама, 2005.- 303с.
49. Они вернулись с Победой, 1941-1945. Вспомним всех поименно/ [общественная ред.: В. М. Кресс и др.] - Томск: STT, 2005.- 479 с.
50. Они защищали Родину: Сибирский Химический Комбинат: [очерки]: [в 2 ч.]--Томск: Компания Янсон, 2000-2001.
51. Память, опаленная войной //Диалог.-1997.- 30 янв.- С.12.
О ветеранах Великой Отечественной войны, награжденных медалью "За оборону Сталинграда".
52. Папинский П. Слово об однополчанине //Новое время.-1994.- 23 дек.- С. 5.
53. Петроченко Я. К. Медаль за "кукушку" //Диалог.- 2007.- 4 мая.- С. 11.
Гвардии старший сержант, ветеран Великой Отечественной войны рассказывает о военной поре.
54. Пивоварова А. У войны не женское лицо //Диалог.- 1998.- 30 янв.- С. 3.
55. Пивоварова А. Не смогла смотреть на расстрел дезертиров //Диалог. - 2010.- 5 марта.- С. 5.
56. Погуляев И. Знай, наших! //Северский меридиан.- 2005.- № 10.- С. 14.
О ветеране Великой Отечественной войны И. С. Баулине - участнике штурма рейхстага. Его автограф стоит на одной из стен рейхстага.

57. Погуляев И. Золотые имена //Северский меридиан.- 2005.- № 10.- С. 9.
О героях Советского Союза, участниках Великой Отечественной войны, северчанах В. И. Кулешове и И. Д. Лимонове.
58. Погуляев И. И воевал до Победы! //Северский меридиан.- 2005.- № 10.- С. 13.
Об участнике Великой Отечественной войны, нашем земляке А. С. Дмитрюке.
59. Погуляев И. Образец мужества и героизма //Северский меридиан.- 2005.- № 10.- С. 11.
Об участнике Великой Отечественной войны, Герое Советского Союза, жителе г. Северска И. Н. Арсеньеве.
60. Погуляев И. Подвиг сержанта //Северский меридиан.- 2005.- № 10.- С. 14.
О Герое Советского Союза, непродолжительное время проживавшем в г. Северске, И. И. Долганове.
61. Погуляев И. Разведчик из Сибири //Северский меридиан.- 2005.- № 10.- С. 12.
62. Полякова Т. В. Мне посчастливилось любить свою страну: книга воспоминаний/ Т. Полякова.- Томск: Ветер, 2008.- 147 с.
63. Просвирина В. К. Подняться из руин: воспоминания о войне //Новое время.- 2007.- 11 мая.- С. 20
64. Руделев А. Война в судьбе моей семьи //Молодежная параллель.- 2005.- № 2.- С. 12-15.
Выпускник школы № 88 Алексей Руделев пишет очерк о своих дедушках, участниках ВОВ.
65. Самойлова В. К. Ястребок //Северский меридиан.- 2005.- № 10.- С. 20.
Об участнике Великой Отечественной войны, военном летчике Г. И. Самойлове.
66. Сергеева Л. Н. Военным врачам посвящается //Диалог. - 2002.- 14 июня. - С. 13.
67. Сидорова Л. К. Труженица военного тыла //Новое время .- 2000.- 2 марта.- С.12.

68. Соболев П. И кажется, он снова на войне: о ветеране войны и труда подполковнике Данилове Н. Я. //Диалог.- 2000.- 5 мая.- С. 5.
69. Соболев П. О друзьях-товарищах: военврач Б. А. Вигдергауз //Новое время.-2000.- 27 апр.- С. 3.
- 70.Соболев П. О друзьях-товарищах: танкист В.Н. Капоров //Новое время.-2000.- 11 мая.- С. 5.
71. Соболев П. Полина Ивановна, фронтовой врач //Диалог .- 2000.- 3 марта - С. 8.
О ветеране Великой Отечественной войны - Полине Ивановне Волковой.
72. Список мужчин, уходивших на фронт из деревни Иглаково в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. //Диалог.- 1999.- 14 мая.- С.12.
73. У последнего рубежа: [О северских ветеранах, которые принимали участие в битве под Москвой] //Диалог .- 2001.- 30 нояб. - С. 8.
74. Уманец О. Им имя Иглаковы //Северский меридиан.- 2005.- № 10.- С. 5-6.
Судьба деревни Иглаково и ее жителей в период Великой Отечественной войны.
75. Участники Сталинградской битвы //Диалог.- 2002.- 1 февр. - С. 7.
76. Фокеев Д. Е. На рейхстаге я так и не расписался... //Диалог.- 2007.- 4 мая.- С. 11.
Гвардии старший сержант, ветеран Великой Отечественной войны рассказывает о военной поре.
77. Харченко В. Много белой краски у войны //Новое время.- 2008.- 20 июня.- С. 6.
Северчанин, ветеран Великой Отечественной войны В. Харченко рассказывает о трех днях на завершающих этапах войны.